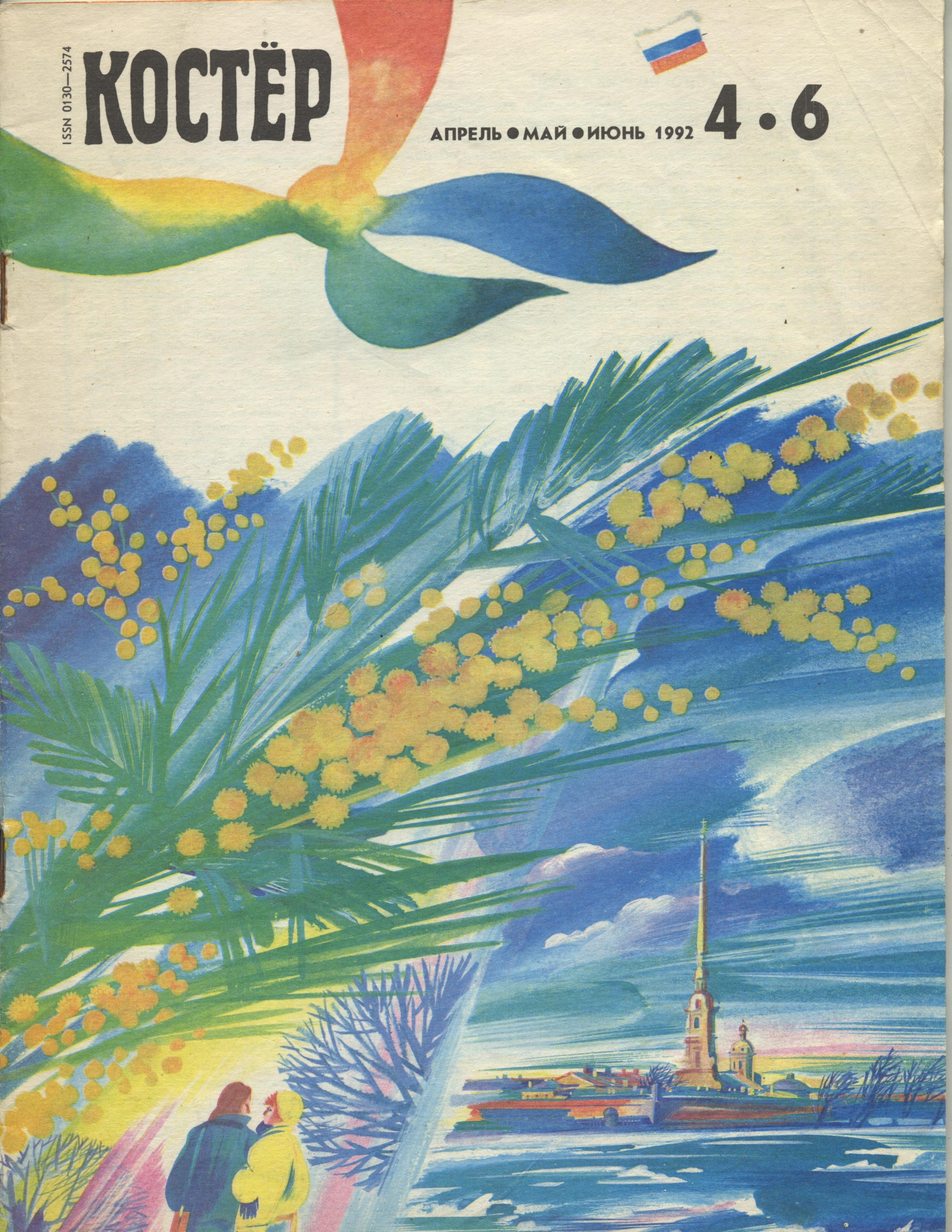

ISSN 0130—2574

КОСТЁР

АПРЕЛЬ • МАЙ • ИЮНЬ 1992

4 • 6

Дорогие читатели!

Мы приносим свои извинения: к сожалению, это последний номер «Костра», который редакция смогла выпустить на деньги подписки 1992 года. Цены на все, что связано с изданием и доставкой журнала, выросли невероятно, и теперь каждый номер обходится редакции почти в 15 рублей.

«Костер» снова начнет выходить с июля этого года, если редакция соберет достаточно средств при переподписке. Чтобы получать журнал во втором полугодии, вам необходимо в мае заново оформить подписку по новой цене — 14 руб. 50 коп. на месяц (на полгода — 87 руб.).

Конечно, мы сделаем все, чтобы новый «Костер» был еще более интересным и красочным. В нем будет больше комиксов, игр, головоломок, кроссвордов. Вы прочтете остросюжетные повести, фантастические рассказы и сказки. В каждом номере будет увлекательная викторина «За семью печатями» с большим денежным призом. А главное — продолжится конкурс юных детективов «Снова «пляшущие человечки», или Новое приключение Шерлока Холмса». Вы сможете получить и занятные приложения к журналу: детские игры, выпуски чертежей самоделок.

Дорогие друзья!

«Костер» переживает сейчас очень трудные времена. На выпуск первых номеров этого года редакция не только истратила все деньги от подписки, но вынуждена была взять значительную сумму в долг. Впервые за многолетнюю историю журнала мы обращаемся за помощью к друзьям «Костра», к организациям, где работают родители наших читателей. Быть может, нас услышат и те, кто когда-то, в детские годы, любил наш журнал, а теперь располагает материальными средствами. Мы обращаемся ко всем, кому дорог «Костер». Ваша финансовая поддержка поможет сохранить журнал.

Переводы направляйте по адресу: 193015, Санкт-Петербург, Калужский пер., 7, Смольнинский филиал Комбанка ЛПСБ, р/с 28000700222, МФО 171207.

КОСТЁР

Издается с июля 1936 года
© «Костер», 1992

БАРАБАН

У нас в школе есть банда, она хочет, чтобы все школьники подчинялись ей. Однажды я восстал против нее и даже дрался. Они еще больше стали надо мной издеваться. Я оказался трусом, когда не подрался с ними еще раз! Я очень страдаю от этого. Сейчас я один. Вот почему мне нужен друг. Хочу, чтобы он жил в моем городе и мы могли ходить друг к другу, чтобы мы были откровенными друг с другом и могли бы помечтать, поговорить, чтобы друг помогал мне, а я — ему. Еще, чтобы он нормально учился и был чистоплотным. И хоть относительно сильным.

Костя, 6 класс,
127562, Москва, ул. Каргопольская, 18—196

Как было обещано, в этом номере журнала мы полностью публикуем роман Эжена Сю «Парижские тайны». Получилась книга в журнале. Пришлось временно потеснить страницы наших постоянных рубрик. Но все-таки звенит «Веселый звонок», отдает приказы шахмат-адмирал Ферзьбери и продолжается конкурс юных детективов.

К. ЛЕОНИДОВ

Первоапрельская ШУТКА

Когда сели ужинать, папа отложил в сторону газету и пристально посмотрел на Витю:

— Что-то ты сегодня подозрительно тихий! Неужели опять схватил по русскому трояк с минусом?

— Нет, не трояк, — с загадочной улыбкой ответил Витя. — Я получил по русскому двойку!..

Папа поперхнулся, а мама чуть не выронила из рук заварной чайник.

— Он еще улыбается! — закричала хором папа и мама.

— А чего? Я не виноват! Она придирается! Я всего-то сделал две ошибки... В одном предложении...

— Во-первых, не она, а учительница! — сказала мама. — А во-вторых, смотря какие ошибки!

— Она попросила написать на доске сегодняшнее число, а я написал «первое апреля». Всего две ошибки!

— Придумай предложение с глаголом «выкарабкаться».
— Учитель вызвал ученика, и он еле выкарабкался!

— Чего добивались рабы, подняв восстание?
— Повышения заработной платы.

Прислали: Таня Федорова (г. Москва), Вадим Сулейманов (г. Миасс Челябинской обл.)

Веселый Звонок

Мама схватилась за сердце.

— Подожди-ка, подожди, — сказал папа, — какое сегодня число? Первое апреля? Теперь понятно, почему ты так хитро улыбаешься! Ты решил нас разыграть? Ты все это выдумал?

— Ага, — кивнул Витя. — Я пошутил. Меня по русскому и не спрашивали! С первым апреля!

— Ну и шуточки! — рассердилась мама. — Я из-за тебя чуть чайник не разбила!

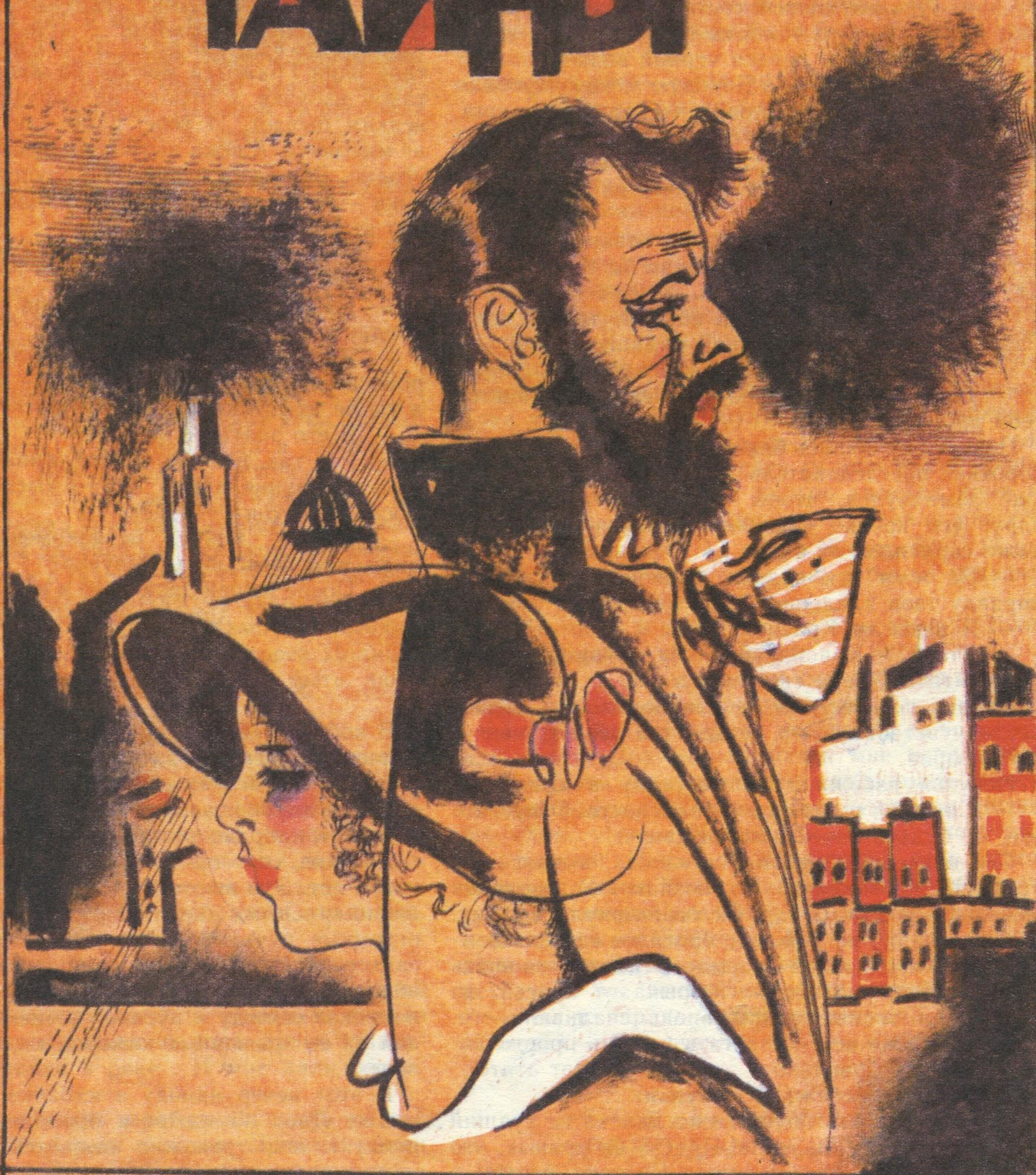
Витя допил чай и вышел из-за стола. «Слава богу, — подумал он, — что папа ничего не спросил про математику! Ведь двойку я как раз по математике получил!»

Ответы
у доски

Эжен Сю

**ПАРИЖСКИЕ
ТАЙНЫ**

Рисунки Клима Ли

Глава первая БУДЕТ ЛИ НОВЫЙ ХОЗЯИН НА БОБОВОЙ УЛИЦЕ?

Вечером 13 декабря 1838 года высокий, широкоплечий мужчина в одежде рабочего шел по тесным, извилистым улочкам в центре Парижа.

Хлестал крупный, холодный дождь, и мокрые улицы были похожи на реки. Ветер раскачивал фонари. Тусклые полосы света металась в сумерках, выхватывая из темноты грязные дома, узкие крутые лестницы и потоки черной воды.

Прохожий свернул на Бобовую улицу. Пробило десять. В подворотне стояло несколько женщин, напевая вполголоса что-то печальное.

Рабочий подошел к одной из них и сказал:

— А, это ты, Певунья? Поднеси-ка мне стаканчик винца.

— Добрый вечер, Живорез, — ответил нежный, чуть дрожащий голос. — Я охотно бы тебя угостила, но у меня нет ни единого су.

— Ба! Мамаша Наседка поверит тебе в долг. Разве можно отказать такой милашке?

— Господи, я уже столько ей задолжала!

— Ты смеешь мне перечить? Ладно, придется тебя проучить.

Певунья бросилась бежать. Она юркнула в подворотню, преследователь — за нею по пятам. Он уже замахнулся, чтобы ударить девушку, как вдруг его крепко схватили за плечо. Живорез даже скривился от боли:

— Не жми так сильно, Краснорукий. Это и вправду твои владения, но...

— Я вовсе не Краснорукий.

— Что?! Не Краснорукий? Ну, тогда без крови не обойтись. Убери свою лапу.

Однако неизвестный не повиновался, и Живорез почувствовал, что теперь его держат еще и за шиворот.

Певунья взбежала на лестницу и крикнула: — Спасибо, теперь я в безопасности. Отпустите его, но будьте начеку: это Живорез!

Сей последний выбивался из сил, пытаясь оттолкнуть противника. Но незнакомец проволока Живореза до самых ворот и вышвырнул на улицу.

Живорез тут же вскочил, бросился на незнакомца... и снова оказался на земле. Вскочил — и опять рухнул. Еще раз поднялся, рыча от ярости, но сильные и точные удары вновь сваливали его. Теперь он уже не смог встать и лишь простонал:

— С меня довольно.

Тут к ним подбежала Певунья:

— Не бейте его больше: это далеко не худший человек у нас в квартале. Просто он привык, что все ему угождают. От улицы Святого Элигия и до Собора Парижской Богоматери он самый сильный, если не считать Грамотея.

Незнакомец прислушался: ему показалось, что

никогда еще он не слышал такого нежного, серебристого голоса. Он взглянул на девушку, но густой мрак мешал рассмотреть ее лицо.

Тем временем Живорез пришел в себя, зашевелился и встал на ноги. Певунья потянула незнакомца в сторону дома:

— Берегитесь! Как бы он опять не принялся за свое!

— Успокойся: тогда я его опять уложу.

— Ну нет, нынче я не примусь за свое, — ответил Живорез. — У меня и так башка трещит. Как-нибудь в другой раз... До сих пор в этом квартале один Грамотей мог бы со мной сладить. Но такой взбучки я отроду не получал. Ничего, со всяким бывает. И тебе, рано или поздно, этого не миновать. А пока вытворяй здесь все, что душе угодно. Девчонки будут тебя слушаться, а кабатчики — угощать вином. Но скажи ему, Певунья, что я не вор!

— Это правда, — подтвердила девушка. — Живорез не ворует.

— Тогда пойдем, выпьем по стаканчику, — предложил незнакомец.

— Я охотно с тобой выпью, потому что ты здорово дерешься. Но человек ты не злой... погоди, а ты не из дружков Краснорукого?

— Я его знать не знаю.

— Раз так, неплохо бы поужинать. Я проголодался. Певунья, айда с нами к «Белому Кролику». Господин угощает. Идет?

— Идет, — кивнул незнакомец. — Ты составишь нам компанию, Певунья?

— После вашей драки мне и есть-то не хочется.

— Не беда! Appetit приходит во время еды.

Глава вторая У «БЕЛОГО КРОЛИКА»

В кабачке «Белый кролик» низкие потолки, закопченные стены, а вместо пола — простая земля. У каждой стены — шесть столиков. Через дверцу в глубине залы можно попасть на кухню, а лестница направо ведет в тесные комнатки.

Хозяйке, по прозвищу «Мамаша Наседка», сорок лет. Это высокая, толстая женщина с кирпично-красными щеками. У нее мужской голос, огромные ручки и волосатый подбородок, что свидетельствует о незаурядной силе. Она сама обслуживает посетителей, чистит, убирает, дает напрокат одежду и пускает ночлежников. В каждой из ее крошечных каморок ютится по три человека.

В этот вечер народу в кабачке оказалось немного. Двое лохматых и бородатых оборванцев шушукались, тревожно озираясь вокруг. Один из них носил греческий колпак и тщательно прятал под столом левую руку. Поодаль сидел юноша лет шестнадцати, с тусклым взглядом и трубкой в зубах. Он пил стакан за стаканом.

Живорез стал посреди залы, ткнул пальцем в сторону своего недавнего противника и громко заявил:

— Друзья! Этот парень здорово отлупил меня. Поприветствуйте победителя. Держу пари, что он побьет даже Грамотея.

— Что будете есть и пить? — спросила Мамаша Наседка.

— Платит этот господин, — сообщил Живорез.

— Господин... а дальше как?

— Господин Родольф, — ответил неизвестный.

Посетители кабачка удивленно уставились на Родольфа. У него красивое лицо, быть может, даже слишком красивое, большие карие глаза, прямой взгляд. Тонкая, стройная фигура говорит скорее о ловкости, нежели о силе.

Певунье шестнадцать лет. Она необычайно мила: голубоглазая, с розовыми губками и маленьким носиком. Белокурые волосы обрамляют нежное личико. Ее голос хорошо знаком завсегдатаям «Белого Кролика». Недаром ее прозвали Певуньей. Есть у девушки и другое прозвище: Лилия-Мария.

— Ну так что же? — повторила Мамаша Наседка.

— Подайте-ка нам два литра вина, — распорядился Живорез, — хлеба и бульонки, да побольше. Вот увидите, сударь, отличная штука: остатки всяких вкусных вещей.

Он немного помолчал, потом спросил:

— Какое же ваше ремесло?

— Я художник.

— А! Вот почему у вас такие белые руки. Наверное, неплохо быть художником. Да и заработок, видно, немалый. Ясное дело, вы человек честный, ни разу не судились и в тюрьме не сживали. А коли так, какого черта вам здесь нужно? Сюда шляются одни воры да убийцы. Все, кого вы сейчас видите, побывали в тюрьме. Вам тут делать нечего. Если бы меня пускали в богатые кварталы, я бы и не притронулся к стряпне Мамашы Наседки. Но я отрубил пятнадцать лет на каторге. Полиция знает меня как облупленного. Стало быть, здесь мне самое место.

— Что же ты натворил?

— Я убил моего сержанта, когда служил в солдатах, — произнес Живорез тихим и печальным голосом. — Мы повздорили, он ударил меня кулаком по лицу. Я света невзвидел от ярости, ну и прикончил его... Когда-то я работал подручным на бойне и становился прямо сам не свой, стоило мне увидеть кровь. Я уже не соображал, что делаю, а только бил, бил что есть силы...

Живорез помолчал минуту и продолжал:

— Меня должны были приговорить к смертной казни. Но раньше за мной не замечали ничего дурного, я даже вытащил из воды двоих товарищей — они тонули в реке... И мне дали пятнадцать лет.

— Чем же ты теперь зарабатываешь на жизнь?

— Разгружаю баржи с лесом. Целыми днями по пояс в воде... Слушайте, почему вы не едите? Тут есть чем полакомиться: кусочки курицы, рыбки хвосты, бараньи кости, салат. Красотища! Кушай, Певунья... Что-то ты загрустила.

— Ты повидала много горя, малышка? — спросил Родольф. Его голос был так нежен и ласков, что глаза девушки наполнились слезами.

— Да, расскажи нам свою историю, Певунья, — потребовал Живорез, не переставая жевать. — Сдается мне, не очень-то она будет веселой.

— Своих родителей я не помню, — начала Певунья. — Старуха, у которой я жила, говорила, что подобрала меня на улице. Но я ей не верила: уж очень она была злая... Страшная, кривая на один глаз, с перебитым носом. Ее называли «Одноглазая», а еще — «Сова». Она и впрямь смахивала на ночную птицу.

— Воображаю себе эту красотку! — воскликнул Живорез с набитым ртом.

— Продолжай, дитя мое, — сказал Родольф.

Он смотрел на Певунью и думал, что если бы его дочь не умерла, она была бы ровесницей этой несчастной.

Певунья вновь заговорила, потупившись:

— Да, ее все звали Совой. А меня она окрестила «Воровкой». Вставать мне приходилось на рассвете. Сова давала мне крошечный кусочек хлеба и отправляла в лавку у моста Нотр-Дам. Я наводила там порядок, таскала тяжести и возвращалась совсем измученная.

— Зря жалуешься: из тебя вышла красивая девушка, — заметил Живорез, раскуривая трубку.

— А вечером я шла на Новый Мост торговать леденцами. Я дрожала от холода, плакала, прохожие жалели меня и бросали мне монетки. Чем сильнее я плакала, тем больше мне давали денег. Сова это быстро смекнула. Она сперва избивала меня, а потом посылала на Новый Мост. А если я приносила меньше десяти су, она опять принималась меня бить. Она больно таскала меня за волосы, а однажды в наказание вырвала мне зуб.

— Вырвала зуб! — ахнул Живорез. — Попадись она мне, эта ведьма, уж я бы ей показал! Бедная ты, бедная!

— И тогда я сбежала. На Елисейский Полях меня задержал полицейский. Он спросил, что я тут делаю, а потом отвел к судье. Судья попался очень добрый: он отправил меня в тюрьму. Там я ела досыта, никто меня не бил. Я даже научилась шить. Два месяца назад мне исполнилось шестнадцать. Меня выпустили из тюрьмы. Вместе со мной вышла одна из моих подружек, по прозвищу «Хохотушка». Она такая милая: вечно поет или смеется. Поначалу мы каждый день ездили за город. Потом Хохотушка подыскала себе работу: она отличная швея. А у меня не хватило духу последовать ее примеру. Мне хотелось почаще любоваться деревьями, цветами, травой... Так я истратила все деньги, заработанные в тюрьме...

— Ты и вправду славная девушка, — сказал Живорез. — Мне очень жаль, что я пытался поколотить тебя.

Глава третья РОДОЛЬФ ИСЧЕЗАЕТ

Внезапно двери кабачка распахнулись. На пороге появился широкоплечий мужчина решительного вида.

— Тише! — шепнул Живорез. — Сейчас начнется заваруха. Это Нарсис Борель, инспектор полиции. Верно, пришел сцапать Грамотея или кого-нибудь еще.

— Ты уже что-то говорил про этого Грамотея, — заметил Родольф.

— Его прозвали так за красивый почерк. Он был приговорен к бессрочной каторге. Полгода назад ему удалось бежать.

— Почему же его до сих пор не схватили?

— Не могут опознать. Этот пройдоха обкорнал свой длинный нос, а потом облил лицо серной кислотой. Носа он лишился, но сила осталась при нем. Жуткая силища!.. Нет, это не его ищут... Должно быть, им нужен Крючок — вон тот парнишка с трубкой... А может, этот тип в колпаке, он все норовит спрятать левую руку... Между прочим, я слышал, как он расспрашивал про Грамотея. Так и есть. Смотрите!

Широкоплечий мужчина подошел к двери и свистнул. В кабачок ворвались четверо дюжих полицейских. Они набросились на обладателя колпака и его собутыльника, не без труда скрутили их и выволокли наружу.

— Эй, Мамаша Наседка, — спросил инспектор, — не попадался ли вам на днях Краснорукий?

— Вот уже много недель его здесь не видать, господин Борель.

— Ну, обычно он как раз там, где его не видно. Это все знают. Не смейте ничего брать у Краснорукого, ни вещей, ни денег, если не хотите сами угодить за решетку.

— Не волнуйтесь, господин Борель. Я боюсь этого Краснорукого. Является неведомо откуда, исчезает неизвестно куда... А что же натворили эти двое?

— Убили и ограбили старуху на улице Святого Христофора. Перед смертью она успела сказать, что укусила одного из бандитов за руку. Мне доложили, что он здесь, и я решил лично произвести арест. В нашем деле не должно быть ошибок... Ладно, прощайте, Мамаша Наседка. Позвольте поблагодарить вас. В вашей кабачке я ловлю вот уже третьего преступника!

Инспектор Борель ушел. Мамаша Наседка провозгласила на весь зал:

— Ну и везет же Грамотею! «Колпак» разыскивал его по какому-то дельцу. Если бы Борель увидел их за одним столом, у него могли возникнуть подозрения... Но не в моих правилах болтать лишнее. Каждому свое. Я торгую вином, а полиции никого не продаю... — Она осеклась и добавила негромко: — А вот и он! Легок на помине.

В кабачок входили мужчина и женщина.

Грамотей и впрямь был ужасен. От серной кислоты его нос расплющился, а губы, наоборот, безобразно раздулись. Лоб низкий, как у обезьяны, голова вросла в широченные плечи, руки свисали почти до колен. Живорез повернулся к Родольфу:

— Теперь вам понятно, почему его не могут опознать? Берегитесь! Если ему расскажут, что я назвал вас первым силачом, он непременно полезет с вами драться... А эту одноглазую я вижу впервые... Что с тобой, Певунья? Ты испугалась

Грамотея? Он и вправду далеко не красавец... Постой, ты что, знаешь эту старуху?

— Сова! Это Сова! — пролепетала Лилия-Мария дрожащим голосом и схватила Родольфа за руку.

Тем временем Грамотей шептался с Крючком. Он выслушал его, искоса взглянул на Родольфа, затем подошел и заговорил:

— Я не прочь познакомиться с тобой поближе.

Родольф посмотрел бандиту прямо в глаза и спокойно ответил:

— Изволь!

— погоди, муженек, — вмешалась Сова, — погоди! Ты еще успеешь свернуть шею этому сударику. Смотри, вот девчонка, которая от меня сбежала! Ее зовут Воровка.

Единственный глаз старухи загорелся злобной радостью. Она погрозила девушке кулаком и добавила:

— Ага! Попалась-таки! Я вижу, у тебя еще осталось немало зубов! Теперь-то ты у меня заплачешься, детка. Больше ты не убежишь, и никогда тебе не узнать, где твои родители. Я скорее себе язык отрежу, чем проговорюсь... А! Вот ты уже и плачешь! Это мне по вкусу!

— Заткнись, — приказал Грамотей. — Сперва я ему растолкую, кто хозяин в квартале. А ну, выходи на середину!

— Осторожней, не побейте мои тарелки! — крикнула Мамаша Наседка.

Родольф спокойно поднялся, но не успел он приблизиться к негодяю, как дверь отворилась и вбежал какой-то угольщик огромного роста. Он подошел к Родольфу и шепнул ему на ухо:

— Ваше высочество, там, на улице, графиня Сара и ее брат. Они проведали, что вы где-то здесь, и рассчитывают встретиться с вами.

— Я не желаю их видеть. Никогда, мой милый Мэрф. Спасибо, что предупредил меня, — ответил Родольф. Он бросил Мамаше Наседке золотой и направился к двери.

Грамотей преградил ему путь. Родольф нанес бандиту три быстрых, точных и сильных удара. Грамотею не помогли ни изрядный вес, ни чудовищная сила — он рухнул как подкошенный.

Родольф легко перемахнул через столик и вышел из кабачка.

Глава четвертая ПИСЬМА САРЫ МАК-ГРЕГОР

Через несколько минут в кабачке появились двое англичан: графиня Сара Мак-Грегор и ее брат Томас Сейтон. Они сели за столик и осмотрелись.

Графине лет тридцать с небольшим, а на вид — и того меньше. Она все еще очень хороша собой.

Сара Мак-Грегор с досадой сказала Томасу:

— Мы снова его упустили! Томас, поговори с хозяйкой. Быть может, разузнаем что-нибудь.

Тем временем оборванцы жадно разглядывали вошедших. Грамотей шепнул Сове:

— Как они разодеты! Сразу видно — богачи, денег полны карманы. Подкараулим-ка их на обратном пути...

— О да! — подхватила мерзкая старуха. —

А если они посмеют пикнуть, я уж их утихомирю! У меня в кармане пузырек с серной кислотой.

Томас Сейтон и не подозревал, что речь идет о нем. Он подсел к хозяйке и заговорил:

— Не заходил ли сюда высокий, стройный мужчина с темно-русскими волосами? Он назначил нам встречу в кабачке на этой улице. Боюсь, не ошиблись ли мы?

— На этой улице только один кабачок — мой, — сухо ответила Мамаша Наседка. Но англичанин сунул ей в руку пятифранковую монету, и она стала разговорчивее. Вытянув из нее все, что она знала, Сейтон вернулся к сестре.

— Человек, переодетый угольщиком, несомненно, Мэрф, — сказал он по-английски. — Конечно, Мэрф предупредил своего господина, и теперь Родольф уже далеко.

Затем Томас Сейтон обратился к Живорезу:

— Сударь, я знаю, вы долго беседовали с человеком, котый недавно ушел. Это наш друг, мы должны были встретиться здесь... Вам известно, где его искать?

— Сегодня я видел этого человека впервые. А о чем мы говорили — не ваше дело.

С этими словами Живорез покинул кабачок и отправился в полуразрушенный подвал неподалеку, где обычно ночевал. Он быстро погрузился в сон...

...Внезапно его разбудил знакомый голос. Грамотей кричал англичанину:

— Давай деньги! А не то сброшу тебя в этот подвал!

— Братец, отдайте им бумажник, — спокойно сказала молодая женщина и добавила:

— Мы не собираемся звать на помощь. Не причиняйте нам зла.

— Что хорошо, то хорошо, — одобрил Грамотей. — Работать с такими клиентами — одно удовольствие. Мое почтение, сударь и сударыня!

— Минутку, — остановила его Сара. — Хотите получить втрое больше?

— Еще бы! — отозвалась Сова.

— Мы должны были встретиться в кабачке с одним нашим другом. Угольщик что-то сказал ему, и они ушли, не дождавсь нас. Могли бы вы их снова узнать?

— Угольщика я видел лишь со спины и не обратил на него внимания. А другого-то я хорошо разглядел. Он ударил меня кулаком в лицо и сбил с ног. Я прирежу его для вас за тысячу франков.

— Нет, убивать не нужно.

— Чего ж вы хотите?

— Завтра узнаете. Приходите к часу дня в долину Сен-Дени, туда, где кончается парижская дорога. Там вы встретите моего брата. Отдайте ему документы, которые найдете в этом бумажнике. Он вручит вам двадцать пять золотых и скажет, как поступить с человеком, ударившим вас. В случае удачи заработаете две тысячи франков.

Сова даже облизнулась:

— Куча денег! Я пойду в долину Сен-Дени. А ты что скажешь, муженек?

— Ладно, — ответил Грамотей, — я согласен... Вы все обсудите с моей женой, а я подумаю, как

взяться за дело. Решено, завтра в час она будет ждать в долине Сен-Дени. Но вы, сударь, придете один!

Томас Сейтон взял сестру под руку и сказал: — И ваша жена тоже, иначе я не подойду к ней. До завтра.

* * *

Живорез решил выследить англичан. Он вскочил на запятки их кареты и подслушал обрывки разговора. Выяснилось, что Родольф живет на Аллее Вдов. Рано утром Живорез поджидал его на улице.

— Что ты тут делаешь? — удивился Родольф.

— Стараюсь для вас, сударь. Сам не знаю почему, но отныне я ваш друг... Кое-кто желает вам зла, а я хочу вас выручить, и точка.

— Я верю тебе. Будем друзьями.

Живорез начал свой рассказ. Родольф внимательно выслушал и сказал:

— Ты можешь оказать мне важную услугу. Ступай в долину Сен-Дени, разыщи Сову и не отходи от нее ни на шаг. Надо помешать англичанину заговорить с ней.

— Вряд ли Сове это будет по нраву.

— Скажи, что мы предлагаем дельце повыгоднее. Пусть Сова и Грамотей придут завтра в полдень в кабачок «Цветочная корзина». А тебя я буду ждать сегодня в десять вечера на углу Елисейских Полей и Аллеи Вдов. Обсудим все подробно.

— Я приду. Но мне хочется поскорее разделаться с Совой. Пара затрещин пойдет ей только на пользу.

— Спокойно. Я приготовил для них с Грамотеем кое-что почище. Они заплатят за все свои злодеяния.

— По ним давно веревка плачет... Но вам надо спешить, господин Родольф. Одноглазая вчера узнала Певунью. Мне страшно за бедную девочку.

— Да, я немедленно отправлюсь за Лилией-Марией. Она будет жить на моей ферме в Букевале вместе с госпожой Жорж. Эта добрая женщина тоже перенесла много невзгод. Ее муж — вор и убийца. Его отправили на каторгу, полгода назад он бежал. Полиция ищет его, но пока безуспешно.

— А почему вы заботитесь об этой женщине?

— У нее был единственный сын. Муж выкрал его и отдал своим дружкам... — Родольф больше ничего не сказал Живорезу, но про себя подумал: «Этот мальчик исчез одновременно с моей дочерью. А что если ее похитили те же самые люди? Может быть, Краснорукий? Или один нотариус?.. Пока я этого не знаю...»

* * *

Вечером Живорез докладывал Родольфу:

— Все выполнил, как вы велели. Ни на шаг не отходил от Совы, и англичанин не посмел приблизиться... Грамотей и Сова принимают ваше предложение. Завтра они явятся в «Цветочную корзину».

— Хорошо. Пока ты свободен. Но послезавтра мне понадобится твоя помощь. Возьми немного

денег — ведь из-за меня ты не пошел на выгрузку леса. А теперь слушай внимательно...

* * *

Назавтра Родольф поджидал сообщников у «Цветочной корзины». Дождь лил уже несколько дней, а сегодня еще усилился. Вода в Сене начала подниматься.

Наконец, к Родольфу подошли Грамотей и Сова. По такому случаю они даже принарядились.

— Сударь, — заявил Грамотей, — я готов забыть об ударах, которыми вы меня угостили. Чем драться, лучше обстряпаем вместе выгодное дельце. Вчера я видел Живореза. Он изложил мне суть вашей затеи... Женушка, выбери комнату поспокойнее и закажи завтрак: большой ломоть телятины и пару бутылок хорошего вина... А мы пока потолкуем. Сударь, по вашему приказанию Живорез помешал англичанину встретиться с Совой. Мы должны были получить две тысячи франков. Столько он обещал заплатить за бумаги. Они и сейчас при мне. Могу вручить их вам за ту же цену.

— Со мной вы заработаете куда больше. Мы обсудим это за едой.

— Ага, нас зовет Сова. Входите, сударь. Нет-нет, только после вас.

В дальнем углу залы Родольф заметил Мэрфа, на этот раз — в одежде мясника. Но он не успел подать Мэрфу никакого знака: Сова провела их в тесную полутемную комнатушку с крошечным окном.

— Не будем терять времени и сразу перейдем к делу, — сказал Родольф, усаживаясь за стол. — Прежде всего, вы и вправду знаете родителей Певуньи?

— Воровки! — вскричала Сова. — Да, у мужа есть два письма, где об этом речь. Но мы здесь не для того, чтобы говорить о Воровке.

Родольф ничего не ответил Сове и повернулся к Грамотею:

— Мы можем беседовать при ней?

— О да, не беспокойтесь. Она за меня в огонь и в воду. Сколько раз выручала! И стряпает лучше всех. Правда, моя милая Хитрюга?

Бандит взял за руку мерзкую старуху и заботливо добавил:

— Тебе жарко. Сними плащ, а то простудишься.

Сова скинула плащ, и Родольф увидел у нее на шее золотую цепочку. На цепочке висело изображение Святого Духа из лазурита. Точно такой же талисман носил сын госпожи Жорж, похищенный много лет назад. Бедная женщина столько раз говорила об этом Родольфу. И тут Родольфа осенило: Грамотей и есть ее бывший муж, бежавший с каторги в Рошфоре. Полиции вряд ли удастся напасть на его след — ведь он обезобразил себя серной кислотой. Значит, Грамотей подарил Сове талисман своего сына... Родольф заговорил, пытаясь скрыть волнение:

— Итак, Живорез вам сообщил, что мне известно, где некий богач хранит шестьдесят тысяч франков. Открою вам тайну: деньги находятся в доме номер 17 по Аллее Вдов. Высота стены со стороны аллеи — немногим больше двух метров.

Двери, выходящие в сад, очень легко взломать. К тому же сторож глух, как пень...

— Ну и каков же ваш план?

— Перелезаем через стену, взламываем дверь или окно, забираем золото... Вас это устраивает?

Грамотей задумался на минуту, потом заявил:

— Сперва моя жена сходит на разведку. Мы отправимся следом. Деньги надо взять... сегодня вечером.

— Сегодня? Сегодня я не могу.

— Неужели? А я не могу завтра.

— Но почему?

— По той же самой причине, которая мешает вам пойти на дело сегодня. Вы не доверяете мне, а я — вам.

Родольф в свою очередь задумался. Дело становилось опасным. Но как иначе заманить Грамотея в ловушку и заставить говорить?

— Сегодня так сегодня! — решил Родольф. — Где мы встретимся?

— А зачем нам расставаться? Вам меня не надуть, как ни старайтесь. Может, вы хотите выдать меня полиции?

— Почему вы думаете, что сегодня мне не удалось бы вас выдать?

— Вы не успели бы так быстро расставить мне западню. Я пойду сегодня или никогда. Но если никогда, то берегитесь: рано или поздно я вам отомщу.

— Ладно, этот вечер мы проведем вместе.

— Вот и хорошо, — сказал Грамотей. — Сейчас только два. Можно обождать в «Разбитом сердце». Это кабачок на набережной Сены, оттуда рукой подать до Аллеи Вдов. Расплатимся за завтрак, а потом найдем фиакр.

— Мне нужно купить сигар, — сказал Родольф, вставая.

— О, не беспокойтесь! Хитрюга живо сбегает: она всегда рада вам угодить.

— Жаль, что здесь не топят. Я совсем продрог, — пожаловался Родольф и спрятал руки под свой широкий плащ.

Они остались вдвоем с Грамотеем. Родольф украдкой вынул из внутреннего кармана бумагу и карандаш. Не прерывая разговора, быстро написал: «Сегодня, в десять вечера». Грамотей ничего не заметил. Чтобы скрыть радость, Родольф встал и принялся расхаживать по комнате.

— Сидите спокойно, — приказал Грамотей. Он вытащил огромный нож и пояснил: — Это на случай, если сторож проснется. Нам не надо шума.

— Убийство? Нет, это не по мне. Если он проснется, мы убежим.

Грамотей пристально посмотрел Родольфу в глаза и медленно произнес:

— Итак, речь идет всего лишь о краже... Ладно, уговор есть уговор. Я иду с вами. А вот и Хитрюга. Купила сигары? Нам пора. Хитрюга, ступай вперед. А теперь вы, сударь. Нет, сначала вы, потом я...

В голосе Грамотея послышалась угроза, и Родольф нащупал в кармане пистолет... В общей зале он встретился взглядом с человеком в одежде мясника.

Сова подозвала фиакр. Родольфа снова пропустили вперед. Окно в экипаже было открыто. Родольф пожаловался на холод и закрыл окно, незаметно выбросив наружу записку. И опять Грамотей ничего не заметил...

Глава пятая

В ГОСТЯХ У КРАСНОРУКОГО

Фиакр быстро мчался вперед. Внезапно Родольф увидел, что их обгоняет всадник в голубом плаще. Он узнал Мэрфа. Значит, верный слуга подобрал записку и все понял!

Через час Грамотей приказал кучеру остановиться. Расплатившись, он велел Родольфу следовать за собой. Дождь прекратился, но по-прежнему было пасмурно. Смеркалось. Вода в Сене продолжала подниматься.

— Вот мы и на месте, — сказал Грамотей. — И вовремя: кажется, снова накрапывает.

— А где же кабачок? Здесь нет ни одного дома.

— Взгляните-ка под ноги. Эй, осторожно: не наступите на крышу!

Родольф еще ни разу не бывал в подземных кабачках. В 1838 году на Елисейских Полях их было великое множество. Ступени, вырытые в жирной, влажной земле, вели в глубокий ров. На дне рва — убогое дощатое строение с низкой дверцей. Это и был кабачок «Разбитое сердце».

Грамотей издал условный свист. В ответ послышался точно такой же.

— Хозяин дома, — сказал бандит, — Сова пойдет первой, потом вы, а я следом.

Внизу их встретил мужчина, похожий на крысу. Его внешность выражала ум, коварство и злость, вместе взятые. Рядом стоял тощий, хромой мальчишка с узеньким лбом. Желтые волосы свисали до самых глаз. Он тоже сильно смахивал на крысу. Это был Краснорукий и его сын Хромуша.

— Здорово, старина! — приветствовал Грамотея Краснорукий. — Чем могу служить?

— Одолжи-ка моей жене на полчаса мальчишку. Она тут кое-что обронила, пускай поможет искать.

Краснорукий подмигнул Грамотею и приказал:

— Хромуша, ступай, помоги даме.

Сова и мальчишка ушли. Краснорукий усадил гостей за столик, подал им вина, а сам примостился неподалеку.

Они молча курили. Каждый думал о своем. Родольф тревожился за Мэрфа. Ведь тот должен изображать сторожа. Хорошо ли он понял Родольфа? Сумеет ли за себя постоять?

В соседнем углу чернел огромный люк. Он вел в глубокий подвал. Грамотей нарочно сел так, чтобы заслонить люк своей широкой спиной.

— Полагаю, молодой человек, — заметил Грамотей, — мы можем нанести визит вашему другу часов этак в восемь.

— Чересчур рано, — возразил Родольф. — Он ложится спать в десять.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Раньше десяти я отсюда не тронусь.

— Не беспокойтесь, кабачок закрывается в

полночь! — вмешался Краснорукий и опять подмигнул Грамотею. Тот спокойно ответил:

— Будь по вашему, молодой человек.

Снова воцарилось молчание.

Его нарушил уже знакомый Родольфу условный свист. Через минуту появилась Сова:

— Готово, муженек! Я все разнюхала. Дело на мази!

Она добавила, кивнув на Родольфа:

— Пока он нам не наврал... Вот что я сделала: Хромушу оставила караулить под дверью, а сама звоню... Открывает заспанный сторож. Высокий, толстый, лет пятидесяти. С виду добродушный... Ну, я давай плакать: дескать, попугай у меня улетел, Коко, обожаемая птичка... Живу, мол, я на улице Марбеф и всех соседей обошла, ищу попугая. Ну, он меня и впустил.

— Ай да Хитрюга! — вскричал Грамотей. — Молодчина!

— Ловко, — согласился Родольф. — Что дальше?

— Зову свою птичку: «Коко, Коко!», а сама по сторонам зыркаю, чтобы все как есть высмотреть... Там две стеклянные двери и шесть окон. Открыть — плевое дело. А в доме...

— Ты и в доме побывала?!

— А то как же! Я ведь с ног сбилась, разыскивая Коко, вот мне и стало дурно. Я говорю сторожу, мол, можно присесть на ступенечку? А он меня в дом пригласил и стул подал! Ну, я тебе скажу, муженек! Там есть, чем поживиться!

«Старая хрычовка провела Мэрфа, — подумал Родольф. — Ведь раньше десяти он не ожидает нападения».

— Где Хромуша? — спросил Грамотей.

— Я велела ему караулить в канаве недалеко от сада. Он видит в темноте, как кошка. Если что, он нас предупредит.

— Отлично! — воскликнул Грамотей и внезапно бросился на Родольфа. На это раз он застал его врасплох. От сильного удара Родольф полетел прямо в глубокий подвал. Было слышно, как он катится по ступенькам. Бандит пошел следом.

Одноглазая заглянула в люк и крикнула:

— Берегись, муженек! Достань нож!

Затем раздался скрип тяжелой двери, и вскоре из люка вынырнула жуткая физиономия Грамотея. Маленькие глазки на обезображенном лице сияли злобной радостью. Сова отшатнулась и вскрикнула:

— До чего же ты уродлив, муженек! Ты даже меня напугал... даже меня!

— Я запер его в дальнем погребе. Там поглубже. А теперь — на Аллею Вдов. Пока путь свободен. Через час, возможно, будет слишком поздно!

* * *

Родольф, однако, не погиб. Примерно час спустя он очнулся на голой земле, в крошечном мраке.

Он стал шарить вокруг и нащупал ступеньки. Значит, он лежит у подножия лестницы.

Ноги совсем окоченели... Да ведь тут полно

воды!.. После долгих усилий Родольф взобрался на нижнюю ступеньку. К счастью — он ничего не повредил при падении. Пленник прислушался. До него донесся какой-то однообразный гул, кажется, плеск воды. Сперва это его не встревожило.

Родольф пытался припомнить, что с ним случилось. Но тут его снова пронизал резкий холод. Он наклонился, пощупал: вода доходила ему почти до колен. Все ясно: Сена поднимается, и погреб оказался ниже уровня воды в реке.

Сознание смертельной опасности вернуло Родольфу ясность мысли. Он взбежал вверх по лестнице, но дверь была заперта.

Родольфа охватила мучительная тревога. Но он страшился не за себя, а за Мэрфа, своего друга и наставника.

«Быть может, его нет в живых! — думал Родольф. — И я виноват в его смерти!»

Пленник изо всех сил навалился на дверь, но она даже не шелохнулась.

Родольф сбежал вниз. Найти бы камень или обломок железа! Какие-то мерзкие существа метнулись ему под ноги... Крысы! Вода выгнала их из нор.

Родольф на ощупь обшарил весь погреб. Он двигался по колону в воде, вытянув руки, как слепой. Все напрасно! Он медленно поднялся наверх, считая ступени. Тринадцать!.. И три из них уже под водой.

Пленник попробовал сделать подкоп, но дверь увязла в липкой, жирной земле. Он громко закричал, потом прислушался. Ему ответил лишь монотонный шум прибывающей воды. Родольф опустил на ступеньку, спиной к двери, и снова стал думать о Мэрфе...

А вода между тем поднималась все выше и выше. Незалитыми остались лишь пять ступенек. Так вот как ему суждено погибнуть: он захлебнется в воде! Родольф вспомнил про пистолет. Выстрелом можно выбить замок! Увы, он не нашел пистолета: должно быть, его забрал Грамотей.

И в довершение всех ужасов по телу пленника стали карабкаться крысы, десятки огромных крыс... Он чувствовал прикосновение скользких лапок. Родольф пытался их отогнать, но гнусные мокрые твари больно кусались. Стоило отшвырнуть одну, как на него бросались другие.

Несчастный вновь позвал на помощь. Тщетно! Еще немного, и вода захлестнет ему губы, он даже не сможет кричать.

И тут совсем рядом послышались шаги. Родольф напряг последние силы. До него донеслись голоса:

— Сам видишь — никого, — сказал один.

— Черт возьми! И вправду никого, — печально отозвался второй.

Сердце пленника замерло: он узнал голос Живореза.

Но шаги стали удаляться, а вода все прибывала... Вот она покрыла плечи, шею Родольфа... Дошла до подбородка... Стала заливать рот... Пленник уже попрощался с жизнью, но тут дверь погреба распахнулась. Сильные руки подхватили Родольфа и вытащили наружу.

Глава шестая СХВАТКА НА АЛЛЕЕ ВДОВ

Очнулся Родольф дома, в постели. В камине пылал огонь. Живорез сидел рядом, наклонившись вперед и вытянув шею. Он словно к чему-то прислушивался. Чернокожий врач, личный медик Родольфа, держал больного за руку и смотрел на часы.

— Так-так! — воскликнул врач. — Пульс неплохой! Да успокойтесь же, — обратился он к Живорезу. — Вы уже разбили у меня три пузырька...

— Ах, господин Давид! Когда он узнает, что господин Мэрф может умереть, его горю не будет границ. Он...

— Тише, вы мешаете... Помолчите немножко.

— Мэрф! Где он? Что с Мэрфом? — слабо простонал Родольф.

— Ваше высочество! Надеюсь, мне удастся его спасти.

— Он ранен?!

— Увы, монсеньор, и очень тяжело. Его ударили кинжалом.

— Где он? Я хочу его видеть. Может быть, он уже мертв?

— Нет, монсеньор, он не умер, он спит. Его нельзя тревожить: это опасно.

— Господин Мэрф такой силач! Он быстро поправится, — вмешался Живорез.

— Возможно, через несколько дней я поставлю его на ноги, — добавил Давид. — Монсеньор, вот этому человеку Мэрф обязан жизнью, да и вы тоже, — он указал на Живореза.

— Подойди поближе, друг мой... Дай руку. А теперь говори правду: где Грамотей?

— В соседней комнате, крепко связан по рукам и ногам. Но Совушка удрала. Господин Родольф, то есть монсеньор...

— Нет, называй меня по-прежнему. Итак...

— Все по порядку. Вы мне заплатили за три дня вперед. Я и подумал, что надо для вас постараться. Мне пришло в голову: ведь Грамотей не дурак, как бы он чего не заподозрил. Вы назначили дело на завтра. Ну а вдруг, думаю, он сегодня явится, чтобы все повернуть в одиночку? Раз мое время принадлежит господину Родольфу, пойду-ка вечером на Аллею Вдов. Гляжу, тут только один выход, а рядом небольшое кафе. Захожу туда, заказываю поесть и выпить. Ни дать ни взять — поджидаю приятелей.

И что вы думаете? Едва стемнело, заявила Сова с Хромушей, сыном Краснорукого.

— Не пойму, где живет этот Краснорукий? На Бобовой улице или на Елисейских Полях? — спросил Родольф.

— Он прямо вездесущий какой-то, господин Родольф. Я и смекнул: если Хромуша пришел вместе с Совой, значит, Грамотей в кабачке у Краснорукого. Стало быть, дело перенесли на сегодня. Где же господин Родольф? Верно, у Краснорукого. Надо бы его предупредить. Но как уйти? Ведь тогда господину Мэрфу придется туго.

Решено, остаюсь. Одноглазая звонит в дверь вашего дома. Входит. Наконец, убралась. А Хромуша-то спрятался в канаве! Ну, думаю, надо

сперва заткнуть ему глотку. Подкрался, сгреб его за шкурку и связал моим собственным шарфом. Потом взвалил на спину, дотащил до какого-то садика и перебросил через ограду. Он плюхнулся на грядки с овощами.

Дальше. Залезаю я на дерево недалеко от ваших ворот. Вовремя! Слышу, идут. А дождь так и льет, не видно ни зги. Вдруг голос Совы: «Хромуша! Хромуша!.. Сбежал, чертов сопляк!» А Грамотей на это: «Живее, пошли!» Тут они открывают ворота и входят в сад.

Ну, я и сиганул с дерева прямо на Сову! Она даже не пикнула: я оглушил ее кулаком. Бегу в сад. Тысяча чертей! Господин Родольф, было слишком поздно!

— Бедняга Мэрф! — вздохнул Родольф.

— Он, видно, услышал шум, вышел из дома и сцепился с Грамотеем, — продолжал Живорез. — Господин Мэрф был ранен, но крепко держал мерзавца и даже на помощь не звал. Он вроде хорошего пса: не лает, а кусает.

Кидаюсь я к ним, а сам ни черта не вижу. Хватаю кого-то за ногу и ору: «Я Живорез! Теперь нас двое!» А господин Мэрф отвечает: «Не сломайте мне ногу!» Отпускаю ногу, хватю кого-то за руку. Ну, тут уж я не промахнулся: рука Грамотея, да еще с ножом. «Где господин Родольф?» — спрашивает Мэрф. Я хриплю через силу: «Не знаю. Может, убит».

Ну и силач же этот Грамотей, доложу я вам! Наконец, вырвал я нож и навалился на мерзавца, вцепился в него, можно сказать, руками и ногами, да еще башку его прижал к земле. Мэрф хотел было нож подобрать, но где уж в такой темноте! Тогда он говорит: «Пойду за подмогой. Придержите его пока».

Легко сказать — придержите! Дело не шуточное. Это ведь буйвол, не человек.

И вдруг голос Совы! Очнулась, голубушка, зовет своего муженька. «Хитрюга! — кричит Грамотей, — я выронил нож. Подбери его и ударь Живореза между лопаток, как я тебя учил!» — «Погоди, погоди, муженек! Темно, хоть глаз выколи» — «Ищи! Живее!» Сова крутится около нас на четвереньках, ни дать ни взять — мерзкая птица. Вдруг прямо взвыла от радости: нашла нож. Я изловчился, да как лягну ее в живот! Она так и покатилась.

Нож она не успела схватить. Чувствую, он у меня под боком... Но Сова опять возвращается, а Грамотею уже почти удалось вырваться. Я держу его за лапу, а он колотит меня по башке. Я совсем выдохся, однако собираюсь с силами, и опять Сова отлетает с визгом...

Тут на помощь подоспели четверо. Следом господин Мэрф. Он еле двигался — столько крови потерял. Ну, скрутили Грамотея. Встаю на ноги. Чудеса — все кости целы! Кидаюсь к Сове. Та валяется на земле и ноет. Вспомнил я бедную Певунью, заломил старой ведьме руку и спрашиваю: «Где господин Родольф?» Молчит. Нажал покрепче, она и отвечает: «У Краснорукого, в «Разбитом сердце». Заперт в подвале».

Я бегом туда. Заставил Краснорукого отвести меня в подвал. Никого. «Его здесь нет, — лебезит Краснорукий. — Он был, но уже ушел». Поды-

маюсь наверх. Только чую: нельзя верить этой старой крысе! Беру фонарь, иду обратно. Гляжу — еще одна дверь. Открываю. Сперва меня окатывает водицей, а потом я вижу: чьи-то руки цепляются за порог... Это были вы. Я вытащил вас наружу, тем дело и кончилось. Больше мне сказать нечего.

Глава седьмая ПРАВОСУДИЕ СВЕРШИЛОСЬ

Родольф горячо поблагодарил Живореза.

— А теперь, — сказал он сурово, — настал черед Грамотея. Я позабочусь, чтобы впредь он не смог нам вредить.

— Надеюсь! — воскликнул Живорез. — С вашего разрешения, я мигом сбегаю за полицией.

— Нет. Я отпущу Грамотея на свободу и дам ему денег.

— На свободу!.. Да еще и с деньгами! — Живорез не верил своим ушам.

— Скоро ты все поймешь... А, вот и вы, Давид! Навещали Мэрфа? Как он себя чувствует?

— Спит, монсеньор. Теперь, когда вам лучше, я могу признаться: его рана очень опасна.

— И жизнь Мэрфа под угрозой?

— Да.

— Что ж, Давид, пора наказывать убийцу.

Родольф что-то сказал врачу на ухо. Тот в ужасе отшатнулся.

— Вы колеблетесь? — спросил Родольф. — А ведь я и раньше говорил вам, что считаю такую кару единственно справедливой для отпетых преступников.

— Вы правы, монсеньор. У меня нет жалости к убийцам. Я сделаю все, что вы прикажете, — произнес доктор Давид после долгого молчания.

— Мы будем его судить. Введите преступника!

Четверо слуг внесли Грамотея, крепко привязанного к креслу. Давид и Живорез сели рядом с Родольфом.

— Вы гнусный негодяй, — заговорил Родольф. — Вас уже судили за убийство и отправили на каторгу в Рошфор. Вы бежали, чтобы творить новые злодеяния. Вы пытались убить меня. Вы ранили ножом моего лучшего друга... Ваше настоящее имя — Ансельм Дюренель.

— Лжете!

— Я буду вас судить.

— Не имеете права. Отведите меня к настоящим судьям!

— И не подумаю. Оставьте надежду. У вас есть сын: вы похитили его у несчастной матери. Он жив?

— Не убивайте меня! Я расскажу все, что знаю.

— Ладно. Вы будете наказаны, но я обещаю сохранить вам жизнь.

— Я дал сыну хорошее воспитание. Потом один мой друг устроил его на работу в банк города Нанта. Он должен был помочь нам ограбить банк. Но мальчишка наотрез отказался и сбежал. Его пытались отыскать...

— Кто? Конечно, Краснорукий?

— Да. До недавнего времени парень жил в доме номер 17 по улице Тампль. Он называл себя Франсуа Жермен... Но мы узнали об этом слы-

ком поздно: он успел съехать неведомо куда. Это все. Теперь отпустите меня.

Родольф подал знак врачу, и четверо слуг унесли Грамотея. Через некоторое время из соседней комнаты послышался жуткий вопль.

— Что они с ним делают, господин Родольф? — прошептал Живорез. — Мне страшно.

Родольф ничего не ответил. Грамотея опять внесли в комнату.

— Чего вы от меня хотите? — кричал Грамотей. — Мне больно! Я ничего не вижу! Зачем вы завязали мне глаза?

— Развяжите его, — приказал Родольф. — Дайте ему пять тысяч франков, и пусть убирается.

Грамотея освободили. Он встал, вытянул руки и шагнул вперед. Потом провел ладонью по лицу и отчаянно взвыл:

— Да ведь глаза-то не завязаны!.. А! Я ослеп! Ослеп! Что вы со мной сделали?! Нет, нет, это кошмарный сон!

— Вы свободны, — торжественно произнес Родольф. — У вас даже есть деньги. Я сдержал слово. А теперь ступайте. Живорез, друг мой, отведи его, куда он пожелает. А потом возвращайся.

Живорез увел Грамотея. Родольф повернулся к доктору Давиду:

— Дайте-ка мне бумажник этого бандита. Там должны быть очень важные документы.

Глава восьмая ГРАФИНЯ И ЕЕ БРАТ

В роскошном особняке на улице Сент-Оноре графиня Сара Мак-Грегор беседовала со своим братом Томасом Сейтоном.

— Никогда, никогда я не смогу забыть оскорбление, которое мне нанесли в Герольштейне семнадцать лет назад. Родольф безумно любил меня, мы тайно обвенчались, я ждала ребенка... А отец Родольфа приказал выгнать меня вон!..

— Но твои письма, Сара! Ты ведь писала мне, что равнодушна к Родольфу, что тебе нужен не он, а герцогская корона... Покойный герцог перехватил эти письма.

— Ах, зачем ты тогда уехал!

— Да ведь ты сама просила меня на пару недель вернуться в Англию.

— Брак был расторгнут, меня изгнали... меня!!! О, я была довольна, встретив беднягу Мак-Грегора!.. Но вот мой супруг скончался, Родольф тоже недавно овдовел. Мы оба свободны, а я все так же хороша собой. Я должна снова завоевать его.

— Но ведь он уже не наивный юноша! И как ты увидишься с ним? Он распорядился, чтобы тебя и близко не подпускали к границам герцогства Герольштейнского!

— Я разыщу его в Париже. Это не так уж трудно. Еще немного, и мы застали бы его в том кабачке...

— Даже если ты встретишься с ним, он тебя и слушать не станет.

— О! Я заведу речь о нашем ребенке.

— Ваша дочь давно умерла. Напрасно мы дове-

рили ее нотариусу Феррану и его экономке госпоже Серафен...

— Постой, я кое-что придумала. В бумажнике, который у нас забрал этот мошенник, было письмо... Кстати, почему ты его не выкупил?

— Я не решился подойти к старухе. Она обещала явиться одна, но с ней был мужчина.

— Попытайся снова! Нужно разыскать этих людей. Если Родольф прочитает письмо, он может разгадать мой план!

— Что же это за план?

— Я хочу встретиться с нотариусом и заключить сделку.

— Встретиться с Жаком Ферраном!

— Ну да.

— Твоя дочь умерла, Родольф не желает тебя видеть! Поверь, ты понапрасну теряешь время. Лучше нам вернуться в Англию и забыть прошлое навсегда.

— Я по-прежнему мечтаю о короне! Если ты будешь слушаться, я сделаю тебя своим министром... Кстати, ты говорил, что Родольф увлекся какой-то девчонкой.

— Да, один из агентов Родольфа, Бадино, не брезгует моими деньгами... Он сообщил, что Родольф поселил эту девицу на своей ферме в Букевале. Если не ошибаюсь, она очень хороша

собой. Бадино утверждает, что герцог влюблен.

— Никто не смеет становиться между мной и Родольфом! Девчонка должна исчезнуть.

Глава девятая

ПРИВРАТНИКИ С УЛИЦЫ ТАМПЛЬ

Унылым декабрьским днем, часа в три пополудни, Родольф отправился на улицу Тампль. В этот раз он нарядился коммивояжером.

Вот и дом номер семнадцать — старое, обшарпанное пятиэтажное здание. Узкая дорожка ведет в тесный дворик, больше похожий на колодец. Внизу темной, сырой лестницы — комната привратника, или швейцарская. Родольф постучал в дверь и вошел.

Привратника, господина Пипле, дома не оказалось. Его замешала супруга — госпожа Пипле. Это была женщина в годах, уродливая и неопрятная. Ее всклокоченный парик в очень давние времена, видимо, считался белокурым.

— Что вам угодно? — неприветливо осведомилась она.

Родольф отвечал самым любезным тоном:

— Сударыня, если не ошибаюсь, в этом доме сдается комната?

— Да, сдается. На четвертом этаже. Но сейчас

посмотреть ее нельзя. Альфред как раз вышел. Альфред — это мой муж.

— С вашего позволения, я дождусь его. Кажется, здесь царит образцовый порядок, это мне по душе. Кстати, сударыня, не согласитесь ли вы вести мое хозяйство? Когда за это берется супруга швейцара, лучшего и желать невозможно.

Польщенная госпожа Пипле несколько смягчилась.

— Разумеется, сударь, я охотно приму ваше предложение. Шесть франков в месяц — и я обслужу вас, как принца.

— Как принца... это хорошо. И шесть франков — тоже недурно... Мадам, позвольте узнать ваше имя?

— Помона-Фортюне-Анастаси Пипле... А за комнату — сто пятьдесят франков. Торговаться бесполезно: владелец дома — сущий дракон.

— Как его зовут?

— Господин Краснорукий. Он здесь лишь изредка ночует. У него есть дом на Бобовой улице и кабачок на Елисейских Полях.

— А!.. Вот что, милая госпожа Пипле, я порядком устал, да и продрог на улице. Будьте так добры, купите в лавке напротив бутылочку черносмородиновой наливки. И принесите два стакана, то бишь три, ведь скоро вернется ваш супруг.

Родольф протянул привратнице сто су.

— Ах, сударь, вы хотите, чтобы с первой же встречи вас стали просто обожать! — вскричала госпожа Пипле. Ее нос даже побагровел от волнения.

— Да, сударыня, мне нравится, когда меня обожают.

— Прекрасно, сударь, но я принесу только два стакана. Мы с Альфредом всегда пьем из одной рюмки... Душка Альфред! Он так осмотрителен во всем, что касается женщин!

— Ступайте, госпожа Пипле. Мыждемся Альфреда.

— А вдруг кто-нибудь придет? Вы постережете швейцарскую?

— Не беспокойтесь.

Привратница поспешно удалилась. Родольф погрузился в размышления. Как удалось Франсуа Жермену прожить здесь несколько месяцев и не попасться на глаза Краснорукому? Ясно, что Краснорукий и его приятель, нотариус Жак Ферран, причастны к невгодам Франсуа Жермена и Певуньи. Но увы, из документов, найденных у Грамотея, удалось узнать далеко не все.

Вскоре пришла госпожа Пипле с бутылкой наливки и двумя стаканами.

— Войти в лавочку папаши Жозефа куда легче, чем выйти оттуда. Ну и старикашка! Мне, почтенной женщине, он рассказывает неприличные истории!

— А вдруг Альфред узнает?

— От такой мысли у меня кровь стынет в жилах! Альфред вспыльчив, как юноша. Произойдет нечто ужасное!

— Только что принесли письмо. Оно пахнет духами.

— Поглядим, — сказала привратница, беря

письмо. — И правда, похоже на любовное послание... Какой это проказник осмелился?..

— А если бы здесь был Альфред?

— И не говорите! Я упала бы в обморок, прямо к вам в объятия... Господи, какая я дурочка! Ведь это же письмо для Майора, он живет на третьем этаже. Вечные интрижки с дамами! Как-то захожу к нему в комнату, а он обнимает меня и вопит: «Боже, дорогая, отчего так поздно?!» Я ни гу-гу. Вдруг он как оттолкнет меня, невежа. Тут я говорю: «Это госпожа Пипле. Не давайте воли рукам. Нечего хватать меня за талию, называть дорогой, и спрашивать, отчего я так поздно». С тех пор, всякий раз, как он идет мимо, я кричу: «Дорогой, отчего ты так поздно?!» Будет знать, как платить мне три жалких франка в месяц.

Однако не подумайте дурного. Кроме Майора, все жильцы — вполне приличные люди. На первом этаже — хирург. На втором — госпожа Бюрет. Она мастерски гадает на картах и ссужает деньги в рост. К примеру, приносите вы ей рубашку ценой в три франка, а она вам дает десять су. Через неделю либо платите двадцать, либо прощаетесь с рубашкой... Очень удобно, не так ли? Иногда к ней навешиваются Краснорукий и госпожа Серафен, экономка нотариуса. Приносят какие-то свертки. Сова частенько заглядывает. Еще болтают, если какая-нибудь девушка попадет в беду... А вот и Альфред! О прочих жильцах в другой раз.

В швейцарскую важно вошел господин Пипле.

— Альфред, — сказала госпожа Пипле, — мы ждали тебя, чтобы выпить по стаканчику смородиновой наливки. Нас угощает этот господин. Он желает снять комнату на четвертом этаже.

— Сударь, — ответил привратник низким и звучным голосом, — если вы подойдете нам в качестве жильца, то и мы подойдем вам в качестве привратников. Но при одном условии: вы, часом, не художник?

— Нет, я коммивояжер. Торгую тканями.

— Сударь, благодарю Господа, что вы не принадлежите к числу этих чудовищ.

— Разве все художники чудовища? — удивился Родольф.

Вместо ответа господин Пипле воздел руки к потолку и издал нечто вроде гневного вопля.

— Художники отравили жизнь бедному Альфреду. С тех пор он все видит в мрачном свете, — шепнула госпожа Пипле. И добавила вслух: — Полно, Альфред, забудь про этого повесу. Не дай Бог, у тебя пропадет аппетит.

— Я должен быть сильным и мужественным, — изрек господин Пипле с печальным достоинством. — Этот человек причинил мне много зла. Но теперь кончено: он умер для меня. Ах, сударь, стоит пустить художника в приличный дом, как через месяц останутся лишь одни руины.

— А вы сдавали квартиру художнику?

— Увы, сударь, у нас проживал один из этой гнусной братии — некий Кабрион, — с горечью ответил Пипле. Он стиснул кулаки и продолжал: — Вы и вообразить не можете, что он вытворял. Играл на всех музыкальных инструментах, из-

вестных человечеству, причем играл фальшиво, зато целыми днями. Все жильцы на него жаловались. Пришлось уплатить ему кругленькую сумму, чтобы он соблаговолил съехать.

Наконец он все же уехал. Вы полагаете, что теперь мы вздохнули свободно? Как бы не так. Назавтра, в одиннадцать вечера, меня разбудил стук в дверь. Бум! Бум! Бум! Отворяю. Входит какой-то субъект: «Мое почтение, господин привратник. Будьте любезны, дайте мне прядь своих волос!»

Супруга мне говорит: «Видно, ошиблись дверью». Я отвечаю незнакомцу: «Вы не туда попали, обратитесь по соседству». — «Но ведь это дом номер 17? Привратника зовут Пипле?» — «Да, говорю, мое имя Пипле». — «Отлично! Пипле, друг мой, вручите мне прядь ваших волос. Я отнесу ее Кабриону. Это он меня прислал. Она нужна ему как воздух».

Господин Пипле многозначительно взглянул на Родольфа, покачал головой и скрестил руки на груди.

— Понимаете, сударь? Просить у меня прядь волос... У своего заклятого врага... у человека, которому он причинил столько зла!.. Просить о милости, какую дамы отнюдь не всегда оказывают своим воздыхателям!

— Добро бы этот Кабрион был хорошим жиль-

цом, — заметил Родольф, сдерживая улыбку.

— О нет, сударь! Никогда! Не в моих правилах делать подобные подарки. Но будь он хорошим жильцом, я счел бы своим долгом облечь отказ в вежливую форму.

— Это еще не все, — вмешалась привратница. — Поверите ли, сударь, с тех пор этот изверг то и дело подсылает к нам своих приятелей. Они являются в любое время дня и ночи, умоляя Альфреда вручить им прядь волос для Кабриона.

— Разумеется, они ничего не добились! — воскликнул господин Пипле. — Уж лучше я пойду на каторгу! Месяца через три-четыре им стало ясно, что моя воля тверже железа. Больше они не приходят. Но все же мне нанесли глубокую рану... — Альфред поднес руку к сердцу. — Сплю я теперь хуже некуда, словно мошенник или убийца. По минутно просыпаюсь: мне чудится голос Кабриона. Я никому не доверяю: в каждом подозреваю врага. Стоит мне заметить в окошке швейцарской незнакомое лицо, я сразу думаю: кто-нибудь из шайки Кабриона. Душа моя охвачена страхом. Я утратил всякий вкус к жизни...

Госпожа Пипле потеряла левый глаз, как бы смахивая слезу, и энергично закивала головой.

— Теперь мне понятна ваша неприязнь к художникам, — сказал Родольф. — Но ведь у вас бывали жильцы и получше.

— О да, сударь,— подтвердила госпожа Пипле.— После Кабриона эту комнату снял господин Жермен. На редкость приятный юноша, воспитанный, любезный. Никому не докучал. Но он недавно съехал. Однако мне сдается, что он оставил свой адрес мадемуазель Хохотушке...

— Кто такая мадемуазель Хохотушка? — спросил Родольф.

— Молоденькая швея, тоже живет на четвертом этаже. Просто прелесть: милая, веселая. Господин Жермен за ней ухаживал. Они часто ходили вместе на прогулку.

— Да, Анастаси, но ты забываешь, что Кабрион тоже за ней ухаживал,— сурово заметил господин Пипле.

— Ах, Альфред, это уж не ее вина. Все зависит от расположения комнат. Господин, который там жил до Кабриона, тоже был ее поклонником. Негодяя Кабриона сменил господин Жермен, и с ним случилось то же самое. Видно, на этом этаже воздух какой-то особенный.

— Однако, сударь,— с достоинством сказал господин Пипле,— не угодно ли осмотреть комнату? Поднимемся наверх. Дело прежде всего.

На грязной, сырой лестнице в этот час было уже почти совсем темно. Однако на четвертом этаже Родольф разглядел несколько забавных рисунков Кабриона, украшавших дверь мадемуазель Хохотушки.

— Мне тут нравится,— заявил Родольф.— Завтра я перееду. А пока возьмите два франка в задаток.

— Я уверен, сударь,— произнес господин Пипле,— что мадемуазель Хохотушка обретет в вашем лице приятного соседа.

— Почему бы и нет?

Они спустились вниз.

— Итак, сударь, комната вам подходит? — спросила госпожа Пипле.— В самом деле? Как же я рада! Одним хорошим жильцом станет больше. Пипле скоро к вам привыкнет. А если вы будете добры к нему, я сумею вас отблагодарить. Даю слово, вы и не узнаете свою комнатку, так она заблестит. Что касается уборки, тут я просто зверь. Если хотите, можете обедать у нас по воскресеньям. Я приготовлю что-нибудь вкусненькое. Всего вам наилучшего!

Глава десятая ПОХИЩЕНИЕ

Солнце клонилось к закату. Равнина была тиха и пустынна.

Лилия-Мария неторопливо шла по дороге, окруженной глубокими оврагами. Она возвращалась на ферму.

Навстречу ковылял тщедушный, хромою мальчик.

— Помогите, добрая барышня! — взмолился он со слезами в голосе.— Моя бедная бабушка упала в овраг и расшиблась. А мне не под силу поднять ее. Господи, как быть! Бедная бабушка! Вдруг она умрет?

— Скорее пойдем к ней! Я не такая уж сильная, но мы понесем ее вместе.

— Сюда, сюда! Она упала недалеко от дороги... Бабушка! Вот и я! Вот и я! Нам поможет добрая барышня! — кричал мальчишка. Это был не кто иной, как Хромуша, сын Краснорукого. А за поворотом дороги притаились Сова и Грамотей.

Певунья бегом миновала поворот.

— Ко мне, муженек! — крикнула Сова и бросилась на девушку. Одной рукой она схватила Певунью за горло, а другой зажала ей рот.

— Вот ты и попалась, Воровка,— прошипела отвратительная старуха.— В фиакре у меня припрятан пузырек с серной кислотой. Больше уж никто не полюбуется твоей смазливой мордашкой... Берегись, муженек: как бы она тебя не укусила. Держи ее крепче, а мы свяжем ей крылышки.

Слепец обхватил Певунью своими могучими лапами...

...Окна в фиакре были плотно занавешены. Сова вытащила пузырек с серной кислотой и хотела плеснуть ею в лицо девушке.

— Теперь, муженек, вы будете похожи как две капли воды. Обожаю уродов!

— Не позволю,— внезапно сказал Грамотей.— Это очень скверное дело.

— От тебя ли я это слышу, муженек?! Ты, никак, заделался святошей?

— Отдай пузырек,— потребовал слепец.— Здесь, в фиакре, тебе придется меня слушаться.

Он больно сдвинул Сове руку, отобрал пузырек и выкинул в окошко.

Через два часа экипаж остановился в долине Сен-Дени. У въезда на парижскую дорогу их поджидал Томас Сейтон.

— Мы сцапали ее,— доложила Сова.

— Превосходно. А теперь ее нужно упрятать в такое место, откуда она не сможет послать весточку друзьям.

— Проще простого. Мы посадим ее в погреб к Краснорукому, кабатчику с Елисейских полей.

Сейтон вручил Сове кошелек с деньгами и удалился. Фиакр понесся в сторону Парижа.

— Не желаю, чтобы ее сажали в погреб,— заявил Грамотей.— Там полно здоровенных крыс, и вода частенько поднимается. Певунья может захлебнуться.

— Что же ты прикажешь с ней делать? — спросила Сова, еле сдерживая ярость.

— А вот послушай. Когда приедем на Елисейские Поля, ты сходишь за Красноруким. Мы с ним отведем Певунью в полицию. Краснорукий скажет комиссару, что эта девчонка с Бобовой улицы вертелась у его кабачка на Елисейских Полях и приставала к прохожим. Таким девицам обычно дают два месяца тюрьмы, если они промышляют в чужом квартале. Ее отправят в тюрьму Сен-Лазар. Это место не менее надежное, чем подвал Краснорукого... Конечно, мы заставим Певунью пообещать, что она ничего не расскажет полиции и надзирателям. Я верю ей: она сдержит слово. Не правда ли, малышка?

Певунья поклялась молчать.

— Грамотей становится опасен,— пробормотала Сова.— Пора приготовить для него теплое местечко в подвале у Краснорукого...

Глава одиннадцатая КОРОЛЬ ЖИЛЬЦОВ

Ранним утром на улицу Тампль, 17 явились судебные исполнители, Буден и Маликорн. Они поднялись на пятый этаж, к бедному рабочему-шлифовальщику по фамилии Морель, отцу шестерых детей. Морель задолжал две с половиной тысячи франков, а платить ему было нечем. Судейские заявили, что отправят его в тюрьму.

Однако, на свою беду, Буден и Маликорн непочтительно разговаривали с госпожой Пипле. Достойная привратница сочла себя оскорбленной и не упустила случая устроить скандал.

— Арестовать господина Мореля! Моего жильца! Отца шестерых детей! — вопила она, поднимаясь по лестнице. — Ни за что! Я требую, чтобы вы дали ему отсрочку!

Мимо промчалась старшая дочь Мореля, Луиза. Она спешила к отцу, сжимая в руке несколько луидоров.

— Успокойтесь, Луиза! — кричала госпожа Пипле, останавливаясь на каждой ступеньке, чтобы перевести дух. — Положитесь на меня! Я тут на страже с метлой и душкой Альфредом. Господин Мореля уведут лишь через мой труп!

Весь этот шум привлек внимание Родольфа,

который накануне переехал на улицу Тампль. Он вышел из своей комнаты и протянул Будену требуемую сумму.

— Вот две с половиной тысячи. Возьмите и верните этой девушке деньги, которые она вам дала.

Судейский пересчитал ассигнации и с недоверием покосился на Родольфа:

— Вроде не фальшивые, — процедил он, опуская деньги в карман, а заодно и золотые, полученные от Луизы Морель. — Но откуда у вас такая крупная сумма?

— Я, кажется, велел вам вернуть девушке ее золото, — холодно повторил Родольф.

Буден стал угрожающе надвигаться на него. Герцог схватил судейского за руку и так стиснул, что тот со стоном рухнул на колени.

— Полно! Пустите... Как вы смеете оскорблять служителей закона?!

— Нахалы! Вы оба просто нахалы! — визжала госпожа Пипле. Она, пытаясь, взбиралась по лестнице, с всклокоченными волосами и огромной кастрюлей дымящегося супа в руках. Суп предназначался голодным детишкам бедняги Мореля. — Вы не знаете, с кем говорите! — продолжала она. — Это король моих жильцов!

— Чего надо этой старой карге? — осведомился Буден, нехотя возвращая девушке ее деньги.

— Только тронь меня, и я откушу тебе нос!

Король моих жильцов спустит вас с лестницы, а я вымету вас метлой, как паршивый мусор! Да вы и есть мусор!

— Раз деньги уплачены, нам лучше уйти,— сказал Буден Маликорну.— Эта бешеная старуха так орет, что сюда скоро сбежится весь квартал.

И они стали быстро спускаться вниз.

Тогда госпожа Пипле взглянула на свою кастрюлю и заявила:

— Поскольку долги уплачены, Морели обойдутся без моего супа! Эх-ма!

С этими словами почтенная дама опрокинула дымящуюся кастрюлю прямо на головы убежавших чиновников.

— Тысяча чертей! — взвыл Маликорн.— Я сварился живьем! Ах ты, старая хрычовка! Мы тебе еще покажем!

Тогда госпожа Пипле издала боевой клич:

— Альфред! Альфред! Душка! Бей их! Лупи! Они оскорбили твою Стази! Они ко мне приставали! Ату их, ату! Куси! Метлой их, метлой! Соседи, на помощь! Держи воров! Караул! Бац-бац! Так их, душка Альфред!

От тяжелой поступи госпожи Пипле дрожали стены, лестница ходила ходуном, дребезжали стекла. Дом, казалось, готов был рухнуть от ее зычного голоса. Жильцы выскочили из комнат. На улице уже собиралась толпа.

Судебные исполнители в панике бросились наутек. Буден споткнулся и упал, Маликорн свалился на него.

— Вот вам и весь сказ! — торжествующе вскричала госпожа Пипле и гордо подбоченилась.

Глава двенадцатая ГРАФИНЯ И НОТАРИУС

Графиня Сара Мак-Грегор вошла в контору Жака Феррана. Нотариус изучающе взглянул на незнакомую даму и предложил ей сесть. Затем он осведомился:

— Что вам угодно, сударыня? Вы так настойчиво просили принять вас...

— Сударь, вы слывете человеком безукоризненной честности и редкой доброты. Говорят, вы всегда готовы прийти на помощь ближнему. И вот я явилась, чтобы просить вас помочь злополучной матери. Я уверена, что вы не откажете.

Нотариус слегка поклонился, как будто благодарил графиню за столь лестное мнение о своей персоне.

— Сударь, лет пятнадцать назад, в декабре 1824 года, вас посетил один человек. Он поручил вашему попечению маленькую девочку. При этом вам было выплачено пятьдесят тысяч франков. Родители ребенка пожелали остаться неизвестными. Вы взяли деньги и отдали малютку некоему Турмелину... Через два года, 28 ноября 1826, девочка умерла.

Сара вынула из сумочки пачку документов и протянула нотариусу. Тот внимательно прочитал их и сказал:

— Я прекрасно помню эту историю. Все было сделано в полном соответствии с законом. Пятьдесят тысяч франков остались у Турмелина, как

и было предусмотрено на случай смерти ребенка... Могу я спросить, какое отношение вы имеете к данному делу?

— Мать девочки — моя сестра. Пятнадцать лет назад она не имела возможности открыто признать ее своей дочерью, но теперь, будь ребенок еще жив, сестра с радостью окружила бы его заботами. На бедную сестру свалилось столько новых невзгод, что я опасаюсь за ее рассудок. Свидание с дочерью могло бы ее исцелить.

— Не вижу, сударыня, чем я могу помочь ей.

— Сударь, мы могли бы сказать несчастной матери: вашу дочь считали мертвой, но на самом деле она жива. Тогда сестра сможет выйти замуж за отца ребенка. Он как раз недавно овдовел.

Жак Ферран сурово выпрямился:

— Сударыня, я вижу, куда вы клоните, и считаю долгом остановить вас. Неужто вы посмели думать, что я приму подобное предложение? Я свято чту законы! Никогда еще меня так не оскорбляли.

— Но что же здесь незаконного, господин нотариус? Моя сестра потеряла мужа, а человек, за которого она хочет выйти замуж, потерял жену. Они оба опечалены смертью своего ребенка. Если девочка найдется, они вновь обретут счастье! Вы сделаете доброе дело.

— Довольно, сударыня, довольно!

— Так знайте же,— вскричала графиня,— мать девочки — это я, и ничто не в силах остановить меня! Я хочу найти молодую девушку и выдать ее за мою дочь. Вы отказались содействовать, вы объявили мне войну... Хорошо, я принимаю вызов. Вас считают образцом честности и неподкупности. Я в этом сомневаюсь. Поверьте, я редко ошибаюсь в людях... У вас, конечно, много врагов. Они с восторгом смешают вас с грязью. Я полагаю, моя дочь действительно умерла. Но я буду твердить направо и налево, что она жива. Мать, разыскивающая своего ребенка, всегда вызывает сочувствие. Мою сторону примут ваши недруги, а заодно и все сердобольные люди. Мои агенты распускают слух, что вы и ваш сообщник присвоили деньги, предназначенные на воспитание девочки, а ее упрятали неведомо куда.

— В таком случае проще было бы убить ее, а не спрятать.

— Ага! Я целилась наугад, но попала прямо в точку! Разве подобные мысли приличествуют честному человеку? Итак, она исчезла по вашей воле.

— Сударыня!..

— Прощайте, сударь, нам больше не о чем говорить. Скоро я опять нанесу вам визит. А пока подумайте хорошенько.

Графиня удалилась. Жак Ферран сидел за столом в глубокой задумчивости.

«Насколько серьезны угрозы этой женщины? Что она может мне сделать? Все бумаги оформлены правильно: по закону девочка считается умершей. Правду знали лишь двое: моя экономка Серафен и Турмелин, который отдал ребенка Сове... К счастью, он сгинул на каторге... Право, не стоит тревожиться... Только бы Серафен не проболталась. В последнее время она что-то стала мне докучать».

Глава тринадцатая УМОПОМРАЧЕНИЕ И ДВА ПОЦЕЛУЯ

Родольф ничего не знал о похищении Лилии-Мари. Он с головой ушел в поиски Франсуа Жермена, сына Грамотея и госпожи Жорж. Супруга привратника утверждала, что адрес Жермена известен мадемуазель Хохотушке. Родольф решил поближе познакомиться со своей очаровательной соседкой. Вскоре представился удобный случай: надо было купить одежду для маленьких детей бедняка Мореля, рабочего с пятого этажа. Родольф предложил Хохотушке вместе отправиться на рынок в Тампль.

— Вы, мадемуазель, сумеете выбрать подходящие вещи, а я за все заплачу, — пояснил он.

— Какой вы добрый! — воскликнула девушка. — Конечно, я пойду с вами, только переоденусь. Обождите немного.

Когда Родольф заглянул в комнату соседки, она как раз шнуровала башмаки, и Родольф заметил, что у нее прелестные ножки.

— А, вы уже здесь! — улыбнулась Хохотушка. — Будьте любезны, подайте мне шаль... а теперь скрепите булавкой под воротничком.

Родольф накинул шаль ей на плечи.

— Осторожно, не уколите меня... Ай!

Почему она вскрикнула? Неужели от булаво-

ного укола? А может быть, Родольф прикоснулся губами к ее нежной беленькой шейке?

Хохотушка проворно отскочила:

— Соседушка, больше я не буду просить вас о подобной услуге!

— Извините, дорогая соседка. Я очень неловок, правда?

— Напротив, сударь. Чересчур ловки.

— Умопомрачение, мадемуазель, — оправдывался Родольф. — Я не сознавал, что делаю.

— Ладно-ладно. Уж я постараюсь, чтобы впредь вы не теряли рассудка. Кстати, надо предупредить госпожу Пипле, что скоро принесут детские вещи.

— Хорошо, зайдем в швейцарскую.

Внизу Родольфа и Хохотушку едва не сбила с ног госпожа Пипле. Она вылетела навстречу, как пушечное ядро.

— Ах, мадемуазель Хохотушка! Мне вас Бог послал! Помогите, Альфред умирает!

— Какой ужас!

— Да, ему совсем худо. Душка Альфред! Будьте добры, мадемуазель, купите в кафе напротив на два су абсента*. Альфред говорит, что это отличное лекарство. А я не могу оставить старичка одного.

Хохотушка со всех ног кинулась за абсентом, а

* Абсент — алкогольный напиток, полынная настойка.

Родольф вошел в швейцарскую следом за госпожой Пипле.

— Что, собственно, стряслось? — спросил он.

— Почему я знаю, сударь? Я была в церкви, потом заглянула в мэрию... Прихожу домой. И что я вижу? Мой старик валяется без чувств. Вот, любуйтесь.

Господин Пипле сидел на полу, прислонившись спиной к кровати. На голове у него красовалась неизменная остроконечная шляпа, плотно надвинутая на глаза. Вдруг привратник шевельнулся и попытался высунуть голову из-под шляпы.

— Слава Богу, приходит в себя! — обрадовалась привратница. — Что с тобой, душка Альфред? Держись, сейчас выпьешь абсента и поправишься! Кто смел обидеть моего мальчика?

Альфред глубоко вздохнул и вымолвил со стоном:

— Кабрион!

— Как?! Этот негодяй, голодранец, мазилка! — вскричала госпожа Пипле. — Недаром Альфред видел его во сне и всю ночь брыкался... Старичок, я боюсь за тебя. Опомнись, выкинь из головы этого шалопая. Такие мысли вредят твоему пищеварению больше, чем сырые овощи!

Пипле с трудом поправил нахлобученную шляпу и поглядел вокруг блуждающим взором. Казалось, он не понимает, где находится. Тут вбежала Хохотушка с бутылкой абсента.

— Кабрион! — простонал господин Пипле.

— Полно! Выпей-ка лучше, мой мальчик.

Одной рукой Анастаси придерживала голову супруга, а другой вливала ему в рот абсент сквозь стиснутые зубы.

— Это тебя взбодрит, старичок! И мы еще повоюем! Вот вам и весь сказ! — госпожа Пипле вновь издала свой боевой клич.

Альфред обтер губы, открыл глаза, встал на ноги и произнес слабым голосом:

— Где он? Ушел?

— Кто? Говори толком! Кабрион?

Пипле беззвучно пошевелил губами и дважды кивнул с мрачным видом.

— Сюда приходил господин Кабрион? — осведомился Родольф.

— О, будь я дома, я бы засунула ему в глотку метлу до самой рукоятки! А что дальше, Альфред?

Пипле торжественно поднял руку, как бы призывая всех к молчанию.

— Всю ночь мне снился Кабрион, — начал он замогильным голосом. — День выдался неудачный: рано утром было совершено посягательство на добродетель моей супруги. Да, сударь, мерзавцы судейские пытались обнять ее на лестнице.

— Ох, Альфред! Не стоит об этом... при посторонних... — потупилась госпожа Пипле, в смущении теребя фартук.

— Я спокойно сидел за столом и чинил сапог, — продолжал господин Пипле, — как вдруг ощутил чей-то взгляд, который словно насквозь пронизывал двери... Сердце замерло у меня в груди. Подымаю голову... и что ж я вижу?

— Кабрион! — ахнула Анастаси.

— Да! Кабрион! — глухо повторил господин

Пипле. — Его гнусная физиономия прижалась к стеклу. Я хотел встать, но неведомая сила приковала меня к стулу. Сапог выпал из моих рук. Я не мог шелохнуться... И вот медленно поворачивается ключ в замке, дверь отворяется... и входит Кабрион.

— Вот нахал!

— Остановился, посмотрел мне в глаза завораживающим взглядом, не проронив ни слова... В его молчании таилась угроза.

— Прямо мурашки по коже, — поежилась Анастаси.

— Потом он стал приближаться... Он смотрел на меня, как удав на кролика. Мне было страшно, но я не смел отвести очей... Вот он уже рядом... Я изнемогаю, от его взгляда мне стало дурно, я закрыл глаза... Чувствую: он взялся за мою шляпу... Медленно снял ее... Посмел обнажить мою лысину! У меня даже дыхание сперло от подобной дерзости. В ушах звенит, глаза закрываются все плотнее, я все крепче прилипаю к стулу... И вот Кабрион обхватил мою голову ладонями, ледяными, как у мертвеца... А затем... О! На моем лбу, покрытом холодным потом, он запечатлел святотатственный поцелуй!

Анастаси всплеснула руками.

— Меня, меня поцеловать!.. Я сидел, не смея поднять веки, и размышлял об этом чудовищном деянии. Тем временем Кабрион вновь водрузил шляпу мне на голову, а потом... ударом кулака нахлобучил до самых глаз! Это была последняя капля: мои мысли смешались, я потерял сознание.

Пипле в изнеможении опустился в кресло и воздел руки к небесам.

Внезапно в дверь постучали, и в швейцарской появился уже знакомый нам инспектор полиции Нарсис Борель.

— Господин инспектор, мое почтение! — приветствовала его госпожа Пипле.

— Вы опоздали, господин Борель, — печально сказал привратник. — Преступник сбежал. Но его легко опознать. Вот его приметы: гнусная улыбка, омерзительный взгляд, вульгарные манеры...

— Это вы о ком? — удивился инспектор.

— Разумеется, о Кабрионе. Поторопитесь, может, вам удастся его догнать.

— Не знаю никакого Кабриона, — нетерпеливо сказал Нарсис Борель. — Я должен поговорить с госпожой Пипле. Меня интересует кое-кто из ваших жильцов.

Глава четырнадцатая ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Экономку нотариуса Жака Феррана звали госпожа Серафен. В один прекрасный день ее посетила старая знакомая — Сова. Одноглазая не принесла на этот раз краденых вещей на продажу. Она пришла, чтобы шантажировать и угрожать...

После ее ухода госпожа Серафен кинулась к хозяину.

— Ах, Ферран, вы были совершенно правы! И зачем только мы оставили девчонку в живых?

— Какую девчонку?

— Дочь графини Мак-Грегор. Ко мне прихо-

дила Сова. Сперва она завела разговор про вашего нового клерка, Франсуа Жермена. Похоже, она хорошо его знает. А потом вдруг заявила: ей, дескать, все известно!

— Что именно?

— Да ведь Турмелин отдал девчонку Сове! Вы запретили ему упоминать ваше имя, но на каторге он все выболтал Грамотею, то бишь Ансельму Дюренелю. Грамотей передал это Сове, и теперь она требует денег, много денег.

— Сколько?

— Десять тысяч франков!

— Потом она заломит еще больше.

— Мне страшно, Жак. Что с нами будет?

— Сударыня, все бумаги в полном порядке. В глазах закона дочь графини Мак-Грегор мертва и не воскреснет. Нам нечего бояться.

— Говорят, девушка — вылитая графиня.

— Где она сейчас?

— Сова упрятала ее в тюрьму Сен-Лазар. Через месяц ее должны выпустить.

— Один мой знакомый может в любой момент добиться ее освобождения.

— Ах, зачем только она жива!

— Да, — сквозь зубы процедил нотариус, — она должна исчезнуть...

— Я сделаю все, что вы скажете. Но это уж в последний раз. С меня хватит.

— Что ж, дело ваше.

Госпожа Серафен удалилась.

«Старуха становится опасной, — подумал нотариус. — Если она исчезнет заодно с девчонкой, в живых не останется ни одного свидетеля. Никто не посмеет меня обвинить... Не надо было брать на службу этого Франсуа Жермена. Впрочем, он ничего важного не знает... Однако мне не по душе его знакомство с Совой. Придется с ним расправиться... ах, если бы не свидетельство о смерти девчонки, я мог бы продать ее графине Мак-Грегор за хорошую цену. Но закон есть закон».

Ферран покинул контору и отправился к приятелю. Тот установил, что Лилия-Мария действительно в тюрьме Сен-Лазар и даже выглядит вполне счастливой. В тюрьме она подружилась с девушкой по прозвищу «Волчица», высокой, красивой и очень сильной. Волчица взяла Певунью под свое покровительство. В Сен-Лазар она попала из-за удара ножом. Жениха Волчицы звали Марсиаль. Он промышлял тем, что ловил рыбу у Аньерского моста на левом берегу Сены...

«Странное совпадение, — подумал Жак Ферран. — Ведь именно мать этого Марсиаля и его брат Николя должны помочь мне избавиться от Певуньи и госпожи Серафен!»

Глава пятнадцатая ПРОДЕЛКИ КАБРИОНА

На улице Тампль, в три часа пополудни, неутомимый господин Пипле взялся за починку сапо-

га, выпавшего у него из рук при последней вы-ходке злодея Кабриона. Пипле был печален. Он то и дело прерывал работу и испускал глубокий вздох, проводя пальцем по вмятине, оставленной на его шляпе бессердечным Кабрионом.

Пипле не был выдающимся мыслителем. Но он доподлинно знал, во-первых, что дважды два — четыре, а во-вторых, что Кабрион — его смертельный враг.

«Он проник ко мне в дом, застиг меня одного. Запечатлел на моем лице сатанинский поцелуй. Почему он так поступил? Тут не дерзкое бахвальство — ведь нас никто не видел. Быть может, это доставило ему удовольствие? Нет! Это противоречит законам природы. Я чувствую: здесь какая-то тайна, и я не в силах ее разгадать. Чего он добивается?»

Почтенный привратник вновь коснулся шляпы. Это вошло у него в привычку, когда он размышлял о Кабрионе. Так он страдал в тишине, но внезапно с третьего этажа послышался крик:

— Скорее! Господин Пипле, бегите сюда!

— Этот голос мне незнаком, — произнес Альфред, опустив на колени руку с натянутым на нее сапогом. — Незнакомый мужской голос... и он призывает меня... Но как мне уйти? Я не могу бросить швейцарскую, а Стази нету дома...

— Скорее! — доносилось сверху. — Госпоже Пипле дурно!

Альфред вскочил, потом опустился снова на стул.

«Этого не может быть, — подумал он. — Моя супруга ушла час назад... Но вдруг она вернулась, а я и не заметил?»

— Господин Пипле! Ваша жена у меня в объятиях! Торопитесь же!

Гнев и возмущение охватили господина Пипле.

— Сударь, — закричал он громовым голосом, — приказываю вам оставить мою жену в покое! Я иду.

Альфред выбежал из швейцарской. В спешке он не запер дверь. Какой-то человек, притаившийся под лестницей, воспользовался этим и прошмыгнул в швейцарскую. Он молниеносно прикрепил к стене над кроватью лист бумаги и испарился за секунду до возвращения госпожи Пипле. Она вошла с улицы, увидела, что комната пуста, и крикнула:

— Альфред! Где ты, старый непоседа? Бросил швейцарскую на произвол судьбы!

Альфред как раз занес ногу на площадку второго этажа. Он замер, выпучив глаза и разинув рот.

— Я вижу внизу мою супругу. Значит, она никак не может лежать без чувств на третьем этаже, — рассудительно изрек господин Пипле. — Но кому же принадлежал этот неведомый голос?

Спустившись вниз, он столкнулся нос к носу с госпожой Пипле.

— Это и вправду ты, Анастаси?

— Кто же еще, скажи на милость?! Что глаза-то вылупил? Закрой рот, чего доброго, ты меня проглотишь.

— Ах, Анастаси, мне плохо... У нас творится Бог знает что...

— Везде что-нибудь творится, эка невидаль!

Но ты и впрямь не в себе: лоб мокрый, испарина... Чем ты тут занимался?

— Да, я весь в поту... и недаром! Здесь такое происходит... — господин Пипле потер ладонью свой широкий лоб.

— Сам виноват: носишься как угорелый. Сидел бы себе спокойно на стуле в швейцарской.

— Ты несправедлива ко мне, Анастаси. Ты знаешь, что я скорее умру, нежели покину свой пост. Но ведь тебе хотели нанести оскорбление!

— Мне? Оскорбление?!

— Ну, не совсем... Опасность грозила тебе наверху, а ты была внизу, но...

— У тебя ум за разум зашел. Что ты плетешь? Ничего не понимаю. Постой, а вдруг это новые проделки подлеца Кабриона?

В тот самый момент, когда Анастаси упомянула о Кабрионе, привратник обернулся и узрел над кроватью ухмыляющуюся физиономию своего недруга. Да, сомнений нет: это его тощее лицо, длинные волосы, козлиная бородка, ехидная усмешка и пристальный взгляд... Альфред зажмурился в надежде, что адское наваждение рассеется. Тщетно! Голова, без признаков туловища, продолжала маячить над кроватью.

Несчастный Пипле пошатнулся и замахал руками, словно пытаясь отогнать ужасное видение. Его страх передался даже доблестной госпоже Пипле. Она схватила Альфреда за плечо и вскрикнула:

— Кабрион!

— Да, это Кабрион, — успел выговорить Альфред и впал в оцепенение, как это всегда с ним случалось в критические минуты жизни.

Опомнившись, Анастаси ринулась к кровати, вскочила на нее и сорвала со стены автопортрет Кабриона с воинственным кличем:

— Вот вам и весь сказ!

Альфред продолжал сидеть в оцепенении, вытянув руки вперед. Знаменитая шляпа равномерно покачивалась из стороны в сторону, как бы свидетельствуя о силе его переживаний.

— Открой глаза, старичок, — нежно сказала госпожа Пипле. — Это всего лишь портрет, мазня шалопая Кабриона. Смотри, что я с ним сделаю!

Анастаси швырнула произведение искусства на пол и принялась яростно топтать, приговаривая:

— Ах ты мерзавец, прощелыга! Я и с тобой разделаюсь, дай срок! Ой, Альфред, — добавила она поднимая картину, — это еще не все! Смотри, тут написано: «Кабрион дорогому Пипле, своему другу до гроба».

Альфред воздел руки к небесам:

— «Другу до гроба!» Нет, решительно этот человек жаждет моей смерти. Я уже чувствую могильный холод. Мне остается лишь прибегнуть к защите закона. К счастью, Господь Бог всегда на стороне честных людей...

Господин Пипле направился к двери.

— Я иду с жалобой в полицию. Предъявлю там этот портрет.

— На что же ты будешь жаловаться, старичок?

— Как на что?! Мой заклятый враг вешает свой портрет над нашим супружеским ложем! Неужели правосудие не защитит меня? Анастаси, подай картину. Нет, сначала переверни ее... Не могу видеть

эту рожу. Мне так и чудится, что он бродит неподалеку... Где ты, исчадие ада?

— Я здесь, друг мой, — раздался знакомый голос. Тихий, вкрадчивый голос негодяя Кабриона!

Казалось, эти слова доносятся из швейцарской. На самом деле художник притаился за дверью. Он ни слова не упустил из разыгравшейся сцены. Сочтя шутку вполне удавшейся, он удалился, потирая руки и хохоча так громко, что прохожие оборачивались и долго смотрели ему вслед.

Глава шестнадцатая СЕМЕЙСТВО МАРСИАЛЕЙ

Глава семьи Марсиалей, бандит и убийца, окончил свои дни на эшафоте. После него осталась безутешная вдова и шестеро детей: четыре сына и две дочери. Старший, Амбруаз, уже успел угодить на каторгу. Прочих звали: Марсиаль, Николя, Франсуа, Тыква и Амандина. Марсиалю было двадцать пять лет, Николя — двадцать, Франсуа — двенадцать. Восемнадцатилетняя Тыква очень походила на матушку. Амандине было всего-навсего девять.

Вдова Марсиаль после казни мужа стала, в сущности, главой бандитской шайки. Она пыталась заставить Марсиаля участвовать в их темных делишках. Но Марсиаль хотел остаться честным. Николя и Тыква встали на сторону матери. Зато Франсуа

и крошка Амандина очень любили старшего брата. Обычно Марсиаль ночевал у своего друга, рыбака Феро, в маленькой хижине неподалеку от Аньерского моста. Почтенное же семейство обитало в двух милях оттуда, на острове Черпальщика.

В тот самый час, когда таинственный голос призвал на помощь господина Пипле, Николя встретился на берегу Сены с человеком, которого послала к нему экономка нотариуса, госпожа Серафен. Этим человеком был не кто иной, как сам Жак Ферран. Он предложил Николя весьма выгодное дельце.

Вернувшись домой, Николя сообщил вдове Марсиаль:

— Я виделся с ним. Он дал мне тысячу франков и обещал еще столько же... после несчастного случая.

— Какого несчастного случая?

— Который мы должны организовать! Вот что он сказал: «Послезавтра вечером, часов в пять, на пристань явится старуха с молодой девушкой. Старуха помашет платком. Подплывите к ним на двух яликах. В днище одного из них должен быть люк с крышкой. В этот ялик вы и посадите женщин. Кто-нибудь из ваших пусть плывет следом на исправной лодке. Посреди реки вы откроете люк, а сами прыгнете в другой ялик. Если они начнут цепляться за борт, оглушите их веслом. Кстати, старуха воображает, что вы утопите только девчон-

ку, а ей поможете спастись. Смотрите, как бы она не заподозрила, что ей тоже придется хлебнуть водицы». Он умолк, а я и говорю: «Браво, сударь, неплохо придумано».

Читатель, конечно, догадался, что нотариус Жак Ферран решил избавиться разом и от Певуньи, и от госпожи Серафен, которая порядком ему надоела.

— Отлично, сынок, — кивнула вдова Марсиаль. — Ах, ты пошел весь в отца! Да, наклевывается славное дельце.

— Это еще не все. Есть и получше. Мы тут кое-что затеяли с Совой и Крючком. Если дело выгорит, огребем пятьдесят тысяч франков!

— Пятьдесят тысяч!

— Самое меньшее. Это затея Краснорукого. Его знакомая, мамаша Матье, скупает и перепродает драгоценности. Послезавтра, к восьми вечера, она явится в «Разбитое сердце». Сумка у нее набита брильянтами! Старуху утопим в Сене, а камешки поделим. Все пойдет как по маслу! Ну и башка же у этого Краснорукого!

— Не верю я Краснорукому, — поморщилась вдова. — Помнишь историю на Монмартре, когда твой брат Амбруаз загремел на каторгу? А Краснорукий вышел сухим из воды.

— Улик не было. Он ведь хитер как лисица.

— Не верю я ему, — повторила вдова. — Как бы он нас не продал.

— Послушай, от меня потребовали решительного ответа. Чтобы заманить к себе мамашу Матье, Краснорукий купил у нее алмаз, переплатив пятьсот франков! Меня спросили: да или нет? Я сказал «да».

Вдова задумалась.

— Ладно, — промолвила она наконец. — Раз уж ты решился, не стану тебя отговаривать. Но меня беспокоит твой старший братец Марсиаль. Он мне до чертиков надоел. Как бы паршивец не спутал нам карты. Если он сегодня заявится, надо отделаться от него. Только ты с ним не сладишь.

— Ого! Вот увидишь, матушка, я ему покажу!

— Мы с Тыквой тебе поможем... А впрочем, погоди. Кажись, я придумала... В его комнате только одно окошко. Приделай к стене по обеим сторонам окна две железные скобы. Потом приготовь толстые железные перекладки. Да смотри, поторапливайся.

Глава семнадцатая ПЕВУНЬЯ И ВОЛЧИЦА

Через день в тюрьме Сен-Лазар произошло следующее.

Лилия-Мария сидела на лавочке в тюремном дворе. К ней приблизилась надзирательница и торжественно объявила:

— Поздравляю, дитя мое. Хорошие вести. Друзья вас не забыли — вы свободны.

Через четверть часа Певунья, одетая в костюм крестьянки, предстала перед госпожой Серафен.

Узнав от Совы, что Певунья в тюрьме Сен-Лазар, Жак Ферран мигом добился ее освобождения.

— Милая барышня! — начала экономка нотариуса. — Вы должны радоваться, что выходите на

свободу. Поспешим, время не терпит. Нам предстоит долгий путь.

— Сударыня, мы едем на ферму в Букеваль, к госпоже Жорж? — спросила девушка.

— Конечно, конечно. Но сначала — небольшой сюрприз. Вот увидите, вам это очень понравится. Пошли, внизу ждет экипаж.

Лилия-Мария уселась в карету. Она не обратила внимания на то, что старуха приказала кучеру, и не следила за дорогой. Но когда экипаж остановился на берегу Сены, Певунья все же удивилась:

— Сударыня, я плохо знаю Париж. Однако мне кажется, что эта дорога не на Букеваль!

— Я выполняю распоряжения, полученные от ваших друзей. Это все, что я могу сказать.

— Мы отправимся на ферму пешком?

— Через пятнадцать минут мы будем на месте.

Певунья и госпожа Серафен пошли по тропинке. Погода была чудесная. Солнце садилось, и щечки Лилии-Марии розовели, словно вечерние облака.

— Ах, сударыня! — воскликнула она, — видите островок, а на нем — маленький домик, окруженный деревьями? Должно быть, летом здесь восхитительно!

— Я рада, что это место вам по душе, — отвечала госпожа Серафен с усмешкой на тонких губах. — Туда-то мы и направляемся. Нас ждут друзья, чтобы отпраздновать ваше освобождение.

— Неужели? Родольф и госпожа Жорж?

— Я уже старуха, но глядя на ваше милое личико, становлюсь ребенком. Я наболтала много лишнего, а ведь обещала молчать... Да постойте же, я за вами не поспеваю!

— Я хотела бы поскорее оказаться там. Какой, однако, крутой спуск к реке! Сударыня, обопритесь на меня.

— Спасибо, милая барышня, — сказала экономка, сжимая руку девушки. — Ах, вас ждет замечательный сюрприз. У меня прямо язык чешется все разболтать... Погодите-ка... Я вижу на острове людей. Нас ждут.

* * *

Тыква, старшая дочь вдовы Марсиаль, стояла на скамье и внимательно смотрела в сторону, откуда должны были появиться Лилия-Мария и госпожа Серафен.

— Если через полчаса клиенты не явятся, мы уйдем, — заявил Николя. — Куда выгоднее загрести на пятьдесят тысяч брильянтов, чем потопить двух женщин за две тысячи. Скупщица придет в семь часов. Мы должны загодя поспеть в «Разбитое сердце». Утром Сова опять мне про это напомнила... Краснорукий будет снаружи, у дверей, чтобы никто не вошел. А Крючку одному не под силу запрятать мамашу Матье в погреб. Старуха станет брыкаться. Так что без нас не обойтись.

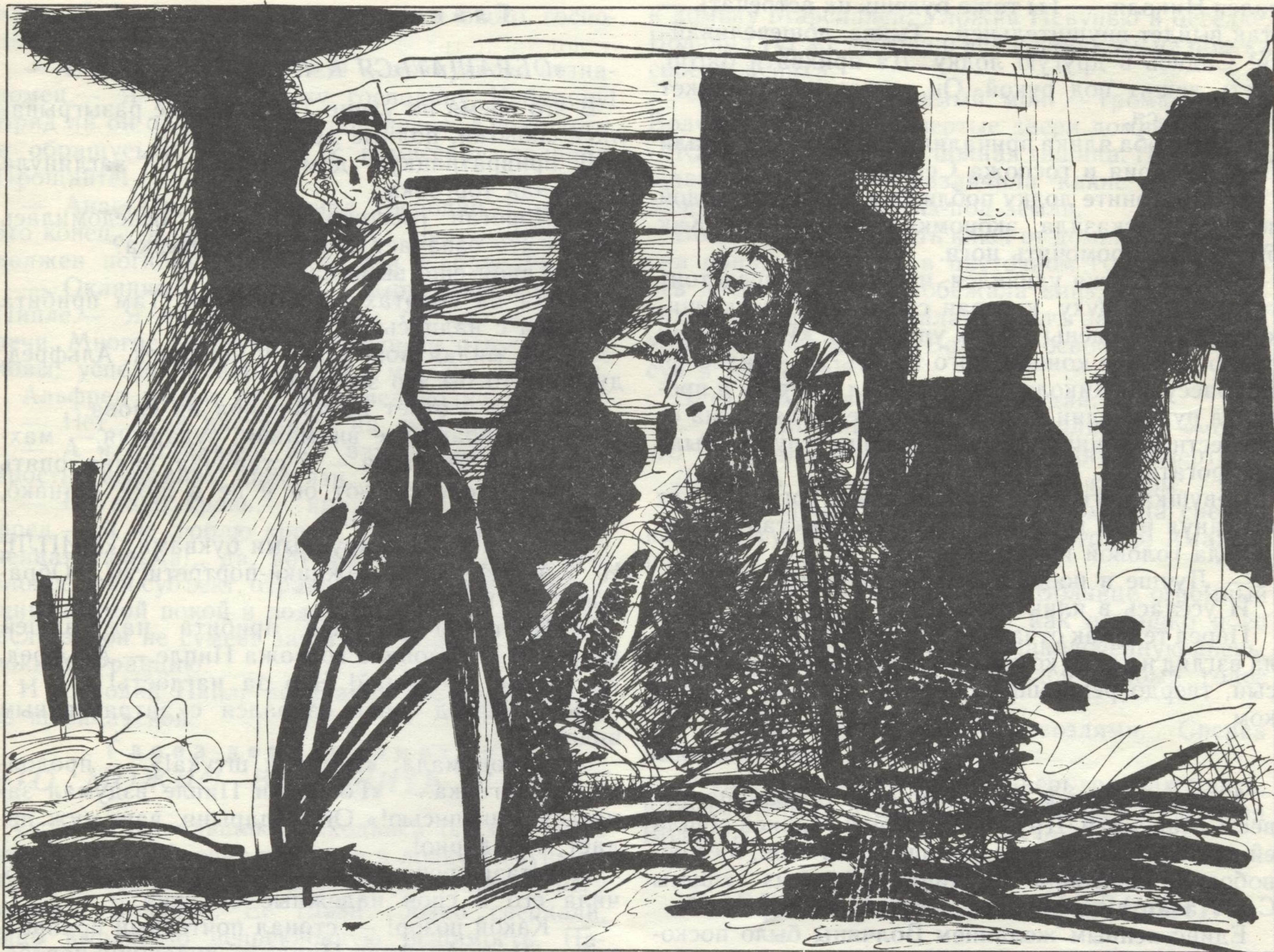
— Вот будет потеха, — заметила сестрица. — Слушай, ты уверен, что лодка в порядке?

— Еще бы. Стоит нажать на крышку люка, и лодка пойдет ко дну.

— Здорово... Кстати, Сова не рассказывала тебе, что она заперла Грамотея в подвале у Краснорукого?

— Да, но мамашу Матье мы затолкаем в другой подвал. А Грамотей сидит в нижнем погребе,

там, где вода часто поднимается. Полагаю, он не слишком доволен жизнью. Вряд ли его устраивает общество крыс. Говорят, они там здоровенные.

За спиной у Николая виднелось окно, плотно прикрытое ставнями. Ставни были обиты железом и закреплены толстыми железными брусьями, продетыми в прочные железные скобы. Тыква с гнусной ухмылкой ткнула пальцем в сторону окна:

— Николай, а ведь кое-кому приходится не слаще, чем Грамотею!

— Ба! С самого утра у него тихо. Даже его псина не гавкает. Верно, дрыхнут.

— Я думаю, он убил собаку и съел. Он уже два дня без еды.

— Ну, Марсиаль может долго продержаться... Ты его знаешь. Да, утром мамаша повстречала его приятеля, рыбака Феро. Она сказала, что Марсиаль болен и не встает с постели. Старый дурень развесил уши и будет теперь повторять направо и налево... когда Марсиаль наконец помрет, никто ничего не заподозрит.

— Вряд ли он скоро помрет. Это долгая история.

— Ничего не поделаешь. Иначе с ним трудно было бы покончить. Когда Марсиаль разозлится, он становится просто бешеный. И сила, как у быка... Мы бы и втроем с ним не сладили... Но эти железные перекладки ему не по зубам! Дверь накрепко забита, в окне славные решетки...

— Он хотел выломать перекладки. Да я была

начеку, как дам ему топором по пальцам! Так и пошло: только он за брусья — а я за топор! Все руки ему покалечила.

— Здорово ты позабавилась, — не без зависти произнес Николай.

— Неплохо, неплохо. Марсиаль пытался отпихнуть меня своей дубинкой. Но тогда он мог расшатывать брусья лишь одной рукой. Топора у него в комнате, к счастью, не оказалось. Дверь и ставни — из прочного дерева, голыми руками с ними не совладать, дыру в потолке тоже не пробить... Он сейчас ни дать ни взять — в гробу. Когда Волчица явится к своему женишку, мы скажем: «Ищи, голубушка!» Ни черта ей не найти.

— Хорошо, что мамаша заперла малявок в погребе. А то эти придурки, пожалуй, попытались бы выпустить любимого братца. И что они так к нему липнут?

Из домика выглянула вдова Марсиаль:

— Вы говорили, что пока я была в Аньере, сюда приходила Сова. Почему она не осталась, чтобы вместе пойти к Краснорукому?

— У нее встреча с каким-то англичанином. Помнишь, по его поручению они украли девчонку с фермы? Да и к чему Сове знать, что кто-то здесь должен хлебнуть водицы?

— Ты по-прежнему веришь Краснорукому?

— Николая! — крикнула Тыква. — Я вижу двух женщин.

— Скорее, матушка, накинь шаль, — заторо-

пился Николая. — Ты тоже будешь их встречать — этак выйдет внушительней... Тыква, пошевеливайся! Садись в другую лодку. Да прихвати багор, пусть лежит под рукой. Он острее ножа, может пригодиться.

Вскоре оба ялика причалили к берегу, где ждали Лилия-Мария и госпожа Серафен.

— Подгоните лодку поближе к берегу, молодой человек, — сказала экономка нотариуса. — Как бы нам не промочить ноги.

Николя слегка удивился, что утопить предстоит ту самую старуху, которая свела его с «заказчиком». Однако деньги были уплачены. «И не все ли равно, в конце концов, кого топить?» — философски рассудил Николая. Он причалил к берегу и протянул руку Лилии-Марии, даже не взглянув на ее прелестное личико. Николая вообще трудно было растрогать.

Девушка легко прыгнула в ялик. Тогда бандит протянул руку госпоже Серафен. Но старуха покачала головой и заявила:

— Лучше я поеду с вашей сестрицей. И уселась в ялик Тыквы.

Перед тем, как отчалить, вдова Марсиаль бросила взгляд на окно комнаты, где томился ее старший сын, твердо решивший остаться честным человеком.

* * *

А теперь скажем несколько слов о Волчице, невесте Марсиаля. Дружба с Лилией-Марией пошла ей на пользу. Она стала лучше вести себя, и ее освободили досрочно. Волчица вышла из тюрьмы Сен-Лазар чуть раньше, чем Лилия-Мария.

Единственным желанием Волчицы было поскорее свидеться с женихом. Но вестей от Марсиаля давно уже не было. Девушка решила, что всего вернее искать его у рыбака Феро.

Волчице и в голову не пришло принарядиться или сделать прическу.

Она вскочила в фиакр и примчалась к хижине Феро у Аньерского моста за четверть часа до того, как госпожа Серафен и Певунья оказались напротив острова Черпальщика.

Старый рыбак сидел на пороге и чинил сети. Услышав стук колес, он поднял глаза. Перед ним стояла Волчица.

— Марсиаль здесь? — спросила она. — Нет? Тогда, папаша Феро, одолжите мне вашу лодку, да поживее.

— А, это ты, Волчица. Здравствуй, здравствуй... Ты хочешь взять мою лодку? Увы, милая, сегодня не выйдет. Тебе не повезло: мой сын поплыл на ней в Сент-Уэн. На всей реке до самой пристани не найдешь ни одной лодки. Сегодня славный денек, и рыбаки отправились на промысел. Ничем не могу помочь, а жаль. Ведь ты так нужна Марсиалю! Утром встречаю я вдову и говорю: «Что-то Марсиаля уже дня два не видать. Где он? Дома?» А она посмотрела исподлобья и отвечает: «Да, Марсиаль на острове. Он захворал, да так тяжело, что едва ли выживет!»

Волчица уже не слушала папашу Феро. Охваченная ужасом, она во весь дух помчалась вдоль Сены, по направлению к острову Черпальщика.

Глава восемнадцатая

«ОБРАЩАТЬСЯ К ПРИВРАТНИКУ...»

В это время на улице Тампль тоже разыгрывались события, полные драматизма.

В привратническую дома номер 17 заглянула рыночная торговка.

— Дорогая госпожа Пипле, — осведомилась она, — что означает эта новая вывеска?

— Какая еще вывеска?

— Да на воротах вашего дома. Там прибита дощечка с надписью.

— Ах, милая моя, а мне и невдомек. Альфред, душка, что бы это значило?

Альфред в ответ не проронил ни слова.

— Не обращайтесь внимания, сударыня, — махнула рукой Анастаси. — У старичка, видно, опять живот разболелся, вот он и не в духе. Однако, что ж это за вывеска?

— Там написано крупными буквами: «ПИПЛЕ И КАБРИОН, художники-портретисты. Обращаться к привратнику».

— И такая надпись, прибита над нашей дверью?! — возопила госпожа Пипле. — Альфред, ты только послушай! Что за наглость!

Но Альфред лишь озираясь с затравленным видом.

— Я подумала: «Вот так штука!» — продолжала торговка. — «Господин Пипле вздумал заняться живописью!» Ой, сударыня, ваш муж падает, ему дурно!

Анастаси проворно подхватила супруга и заключила его в свои надежные объятия.

— Какой позор! — стонал почтенный привратник. — Я, я, Альфред Пипле, — художник-портретист! Да еще вкупе с канальей Кабрионом!

— Слава Богу, у меня найдется капелька абсента. Это поставит его на ноги, — и госпожа Пипле принялась поить Альфреда излюбленным лекарством.

Внезапно дверь отворилась, и вошел какой-то прилично одетый господин средних лет. Он спросил самым любезным тоном:

— Скажите, пожалуйста, могу я видеть господина Пипле или господина Кабриона? Я хотел бы заказать свой портрет.

Альфред побагровел, глаза его налились кровью. Он начал угрожающе наступать на посетителя. Тот попятился. Господин Пипле вытеснил незваного гостя из швейцарской, а сам остановился на пороге. Его поза выражала крайнюю степень негодования. В глубине комнаты маячили фигурки двух женщин. Господин Пипле вперил в посетителя суровый взгляд и изрек:

— Да будет вам известно, сударь, что я знать не желаю этого мошенника Кабриона...

— Равно как и вас, старый вы простофиля! — добавила госпожа Пипле. — С луны вы, что ли, свалились? Обращаться к нам с подобными глупостями!

— Сударыня, — с достоинством ответил посетитель, — нельзя ли быть повежливее? Я...

— Сами вы старый грубиян, — ощерилась Анастаси. — Альфред, подай-ка мне железный цир-

куль. Я измерю степень учтивости этого господина.

— Вы оба просто невежи! — возмутился незнакомец. — Я все расскажу господину Кабриону! Вряд ли он одобрит ваше поведение. Кроме того, я обращусь с жалобой к комиссару полиции. Прощайте!

— Анастаси, — простонал господин Пипле, — это конец... Я опозорен навеки... Нет, один из нас должен погибнуть! Или я, или Кабрион!

— Окаянный мазилка! — выругалась госпожа Пипле. — Я охотно зажарила бы его в нашей печи. Многие преступники, которым отрубили головы, успели натворить куда меньше зла!

Альфред решил проявить великодушие:

— Нет, я не настаиваю на смертной казни...

— А я настаиваю. Вот вам и весь сказ! — яростно выпалила Анастаси.

— Не надо крови, — кротко продолжал Альфред. — Я не люблю крови... Но тюрьма, пожизненная тюрьма!.. да, вот чего заслуживает этот зловредный субъект, отравивший мне жизнь, нарушивший мой покой и подорвавший мое здоровье. Если закон не сумеет защитить меня, я навсегда покину Францию.

И господин Пипле величавой поступью вышел из швейцарской.

Глава девятнадцатая ЧТО МОЖНО ВЫЛОВИТЬ В РЕКЕ

Остров Черпальщика находился близ правого берега Сены. Именно там сели в лодку Певунья и госпожа Серафен. Тем временем по левому берегу мчалась Волчица. Ее глаза грозно сверкали, лицо выражало непреклонную решимость. Наконец она завидела вдали крышу домика вдовы Марсиаль. Волчица издала радостный вопль, швырнула на землю шляпу, на бегу сбросила платье и прыгнула прямо в воду.

Девушка плыла к острову, рассекая волны сильными и красивыми руками. Но вперед продвигалась слишком медленно: мешало встречное течение.

«Надо было войти в воду выше по течению, — подумала Волчица. — Так я потеряю много времени».

Вдруг до нее донесся громкий крик. Потом — еще один, послабее.

— Марсиаль! Мой Марсиаль! — воскликнула Волчица и изо всех сил поплыла против течения.

Наконец, она достигла острова и, тяжело дыша, уцепилась за толстую ветку дерева, нависшего над водой. Но не успела Волчица перевести дух и выбраться на берег, как совсем рядом из воды всплыло тело девушки в крестьянской одежде. Волчица поймала утопленницу за подол платья, подтянула поближе, обхватила сильными руками и вытащила на берег.

— Певунья! — изумленно ахнула Волчица.

А в это время течение проносило мимо тело госпожи Серафен. Экономка нотариуса была мертва. Николя ударил ее багром прямо в сердце...

Но Лилия-Мария не умерла, она лишь потеряла сознание. Волчица почувствовала, что Певунья еще дышит, подхватила подругу на руки и понесла

к домику Марсиалей. Уложив Певунью в беседке, Волчица тут же забыла о ней и кинулась на поиски своего жениха.

— Марсиаль! Любимый мой! — громко звала Волчица, колотя в закрытые двери домика.

Казалось, там царит полная тишина. Но прислушавшись, девушка различила какие-то голоса, доносящиеся словно из-под земли.

Волчица стала искать ключ от домика. Наконец, она обнаружила его в цветочном горшке. Отперев двери, девушка побежала вниз, в подвал. К счастью, ключ от подвала торчал в замочной скважине, и через минуту Волчица освободила Франсуа и Амандину.

Дети выбежали, отчаянно рыдая:

— Ой, Волчица, спаси Марсиаля! Они уморят его голодом! Он уже два дня сидит взаперти!

Девушка устремилась наверх с криком:

— Держись, Марсиаль! Твоя Волчица спешит на подмогу! Франсуа, живо тащи топор! Амандина, подай лом! Я высажу дверь.

Франсуа с трудом приволок Волчице огромный колун. Волчица подняла его как перышко и со страшной силой обрушила на заколоченную дверь.

Внезапно изнутри послышался слабый голос Марсиаля:

— Дверь забита снаружи гвоздями... Сперва выдерни гвозди...

...Через несколько минут дверь распахнулась, и обессиленный Марсиаль упал прямо в объятия Волчицы.

Глава двадцатая СОВЕТ КОМИССАРА ПОЛИЦИИ

Итак, господин Пипле отправился к полицейскому комиссару с жалобой на негодяя Кабриона. Супруга привратника осталась одна, но вскоре в швейцарскую заглянул Родольф.

— Добрый день, госпожа Пипле. Скажите, мадемуазель Хохотушка у себя?

— Да ведь она целыми днями сидит дома за работой, бедная девочка.

— Мне нужно ее повидать. Но у меня есть дело и к вам, сударыня. Могу ли я попросить вас о небольшой услуге?

— Что я должна сделать, господин Родольф? Броситься в огонь? Окунуться в кипящее масло? Искушать кого-нибудь? Можете мной располагать. Я готова на все, если вы не будете уговаривать меня изменить Альфреду.

— Боже упаси, госпожа Пипле. Вот в чем дело: один ваш знакомый, нотариус Жак Ферран, ищет служанку. А мне как раз надо пристроить девушку, мою дальнюю родственницу. Только ни слова господину Пипле.

— Да ведь он безобиден, как шестимесячный младенец. А я буду нема как рыба.

— Тогда слушайте. Молодая девушка совершила ошибку. Теперь ей надо как-то зарабатывать на жизнь.

— Ах, как я ее понимаю, господин Родольф! — вскричала привратница. — В былые времена и я могла бы наделать глупостей. Такой уж у меня огневой нрав. Слава Богу, пятнадцать лет назад я

вышла замуж за Альфреда. С тех пор он прямо подавляет меня своей добродетелью...

Родольф все подробно объяснил госпоже Пипле, и она обещала пристроить девушку служанкой к нотариусу Феррану.

Но история, рассказанная Родольфом, была сплошной выдумкой. Просто он решил подослать к нотариусу свою помощницу, весьма ловкую особу, и выведать все секреты Жака Феррана. В случае удачи Родольф посулил привратнице сто франков.

— Ах, король моих жильцов! — просияла Анастази. — Можете не беспокоиться! Все будет в порядке. А что касается господина Пипле...

— Тсс... Кажется, он идет.

— Бедный старичок! Ему не до смеха. Вы слышали об очередных гнусностях Кабриона?

Тут в швейцарскую вошел господин Пипле. В одной руке он держал портрет, а в другой — вывеску. Отчаяние совсем сломило Альфреда: подбородок упирался в грудь, лица вовсе не было видно. Казалось, вместо головы у него остроконечная шляпа.

— Долгонько же ты! — вскричала Анастази. — Что сказал господин комиссар? Осторожно, не толкни короля моих жильцов. Вы уж его извините, сударь. Он скоро совсем ослепнет и оглохнет из-за этого мерзавца Кабриона. Да отвечай же, Альфред!

— Анастази, — торжественно начал Пипле, поднимая голову, — соберем наш пожитки, обнимемся с друзьями и покинем Париж навсегда! Мы отправляемся в изгнание! Отныне на французской земле злодей Кабрион вездесущ и всесилен! Нас ничто не спасет.

— А господин комиссар?

— Комиссар! Комиссар! — с горечью воскликнул Пипле. — Когда я изложил ему суть моей жалобы, он заявил: «Дружище, ваш Кабрион просто чудак, низкопробный шутник, остряк-самоучка. Не обращайтесь внимания на его дурацкие выходки. Советую вам от души посмеяться над ним, большего он не заслуживает». «Как, — воскликнул я, — как, господин комиссар, вы не посадите этого негодяя в тюрьму? По крайней мере, прикажите изгнать его из Франции!.. Ну хоть из пределов нашего квартала!» Комиссар рассмеялся мне в лицо и указал на дверь. Я понял намек и удалился. Анастази, все кончено. Во Франции больше нет правосудия.

Глава двадцать первая ДРАГОЦЕННОСТИ ГРАФИНИ САРЫ

За два часа до происшествия на острове Черпальщика Сова встретила у Обсерватории с Томасом Сейтоном, братом графини Мак-Грегор.

Англичанин подал Сове знак следовать за ним. Они миновали улицу Кассини и вошли в какой-то садик.

— Обождите здесь, — приказал Томас Сейтон. — К вам сейчас спустятся. Прощайте, мне пора.

«Надеюсь, меня не заставят долго ждать, — подумала Одноглазая. — К половине восьмого я

должна поспеть в «Разбитое сердце». Только бы Марсиали не подвели».

Внезапно Сова заметила, что из ее корзины торчит кончик ножа, и забормотала себе под нос:

— Мой милый ножичек! Захотел подышать свежим воздухом, плутишка этакий!.. А ведь это перышко Грамотея... Как он умолял оставить ему нож, чтобы сражаться с крысами в погребе! Бедные зверюшки! Верно, им очень скучно. Ни еды, ни забавы — только этот старый невкусный дурак... Славный будет денек! На пятьдесят тысяч брильянтов!.. Какой, однако, мошенник этот нотариус. Выставил меня за дверь... А ведь я точно знаю, что его экономка отдала Певунью Турмелину. Но Ферран обозвал меня старой лгуньей... Ладно, еще увидим, кто кого. Я все записала на бумажке, вот она, при мне. Уж я знаю, кому ее продать, если хорошо заплатят... Ага, кто-то идет... Ба! Эту дамочку я видела в «Белом Кролике». Обычно она щедро платит. Славно, славно...

Графиня Мак-Грегор кивнула Сове и заговорила решительным тоном:

— Вы женщина умная и ловкая. К тому же умеете молчать...

— Ради денежек я в лепешку готова расшибиться. Что вам угодно, милая дамочка?

Графиня на мгновение заколебалась, но быстро овладела собой и спокойно спросила:

— У вас много знакомых бедняков?

— Да уж побольше, чем богачей, ясное дело. На любой вкус.

— Прекрасно. Мне нужна девушка лет семнадцати, которая не помнит своих родителей, с приятным лицом и кротким нравом.

— Ах, сударыня, да ведь это вылитая Певунья!

— Какая еще Певунья?

— Та девчонка, которую вы велели похитить с фермы в Букевале! Вы подыскиваете семнадцатилетнюю девицу, кроткую как агнец, прекрасную как день... Вот и возьмите Певунью! Когда этот мошенник Жак Ферран и его подручный Турмелин отдали мне Певунью, ей и шести не было... С тех пор миновало больше десяти лет.

Сара прервала Сову. В ее голосе послышалось сильное волнение, весьма удивившее Одноглазую:

— Вы имеете в виду нотариуса Жака Феррана? Это он отдал ребенка вам на попечение?

Сара говорила с трудом, дрожа от счастья и изумления. Она умоляюще протянула руки к Сове.

— Что с вами, милая дамочка? Какая муха вас укусила? Все проще простого: десять лет назад мой старый приятель Турмелин привел ко мне девчонку и сказал: «Займись-ка этой малюткой. Ее велено упрятать подальше. Делай с ней, что хочешь. Можешь уморить ее голодом, если это тебя позабавит. Вот, возьми тысячу франков...»

— Лет десять назад?.. — воскликнула Сара. — Маленькая девочка с голубыми глазами?

— Да, сударыня. Ее-то мы и украли с фермы по вашему приказу. Я изрядно удивилась, узнав вдруг мою Воровку. Сейчас она в тюрьме Сен-Лазар.

— Боже мой! — вскричала Сара. — Возможно

ли такое счастье?! Это было бы слишком невероятно! Скорее, следуйте за мной!

Графиня поспешно устремилась к дому и провела Сову в свой роскошный кабинет. Затем она вызвала лакея:

— Меня ни для кого нет дома! Чтобы никто не смел заходить сюда! Слышите: никто.

Сара вынула из секретера шкатулку темного дерева и поставила на письменный стол. Подозвав Сову, графиня открыла шкатулку: она была полна драгоценностей.

При виде брильянтов Сова утратила самообладание. Ее рука потянулась к ножу, в уме быстро сложился дьявольский план: зарезать графиню, забрать драгоценности и незаметно ускользнуть.

Сара вынула из шкатулки портрет.

— Взгляните, — сказала она.

— Да ведь это Воровка! Та самая крошка, которую мне отдали десять лет назад! Я сразу же обрезала ее длинные волосы и продала их.

— Смотрите хорошенько. Это и вправду она? Не вздумайте лгать.

— Воровка, как живая, чтоб мне провалиться.

С этими словами Сова начала медленно обходить стол, чтобы оказаться за спиной у графини.

Сара Мак-Грегор торжествовала. Нет, она думала не о дочери, а о герцогской короне. Ведь Родольф после смерти отца стал великим герцогом Герольштейнским...

— Он проникся участием к Певунье, потому что она напоминала ему о покойной дочери... — шептала Сара. — Что же будет, когда Родольф узнает, что это и есть его дочь! Он должен жениться на матери своего ребенка... Да-да, теперь я — герцогиня! Неужели возможно подобное счастье?

Графиня взяла портрет и склонилась над шкатулкой, чтобы положить его на место. Сова вплотную подкралась к ней... Дальнейшее было делом одной минуты. Лево́й рукой Сова прижала голову Сары к столу, правой выхватила нож и ударила графиню между лопаток. Нож погрузился в тело по рукоятку... Сара даже не успела вскрикнуть. Она так и осталась сидеть, уронив голову на крышку стола.

— Таким вот ударом Грамотей прикончил старикашку с улицы Руль... — пробормотала Сова.

Она поспешно собрала драгоценности, побросала их в корзину, отперла дверь и выскользнула в сад.

Возле Обсерватории она села в фиакр и вскоре очутилась на Елисейских Полях, в кабачке Краснорукого «Разбитое сердце».

Глава двадцать вторая

В ОЖИДАНИИ ГОСПОЖИ МАТЬЕ

В уже знакомом читателю кабачке «Разбитое сердце» Краснорукий беседовал с инспектором Нарсисом Борелем.

— Берегитесь, Краснорукий, — говорил инспектор. — С некоторых пор мы стали подозревать, что вы нас надуете. Ваше дело — доставлять нам сведения о всяких подозрительных личностях, бывающих здесь. А вместо этого вы при-

нимаете участие в их грязных делишках...

— Господин инспектор, вы ко мне несправедливы, — отвечал Краснорукий, стоя навтыжку перед Борелем. — Но сегодня я окажу вам такую услугу, что злые языки больше не посмеют меня обвинять... И потом, разве не я помог изловить опаснейшего бандита — Амбруаза Марсиаля?

— Это старая история. К тому же Амбруаза успели предупредить. Не явись я задолго до назначенного вами времени, бандит ускользнул бы от полиции.

— Ох, господин Борель! Уж не думаете ли вы, что это я его предостерег?

— Я ничего не думаю. Я знаю, что он выстрелил в меня в упор. К счастью, пуля лишь оцарапала мне руку.

— В вашей профессии, господин Нарсис, надо быть готовым к маленьким сюрпризам подобного рода!

— Гм... Вы это называете «маленьким сюрпризом»?

— Чего ж вы хотите? Издержки ремесла, господин Борель! Но в вашем ремесле много и приятного. Например, частенько ловкий, смелый, умный человек вроде вас накрывает бандитскую шайку с помощью искусного агента... вроде меня.

— Может быть, может быть... Но я не слишком вам доверяю. Вы давно обещаете выдать всю эту компанию, но дальше обещаний дело не идет.

— Сегодня, наконец, час настал, господин инспектор. Вы арестуете целую банду: Сову, Крючка, Николая Марсиаля, Вдову и Тыкву. Недурно, правда? А когда они будут у вас в руках, я укажу вам добычу пожирнее...

— Мамашу Бюрет? А ведь она столько вам помогала!

— Нет, господин инспектор. Это не мамаша Бюрет. Я имею в виду нотариуса Жака Феррана.

— Жак Ферран! — инспектор вскочил и принялся мерить шагами комнату.

— Он самый.

— Крупная дичь. Он давно у меня на примете, но чересчур уж он хитер. Слывет образцом честного человека! С ним надо держать ухо востро! И только в случае полной уверенности можно произвести арест...

— Тогда вы перестанете обзывать меня мошенником. Я буду для вас «дружище Краснорукий».

— «Дружище!» — фыркнул Борель. — Поглядим еще, не сорвется ли сегодняшняя облава.

— Что вы, господин инспектор! Дело верное, будьте спокойны. Сама Сова уговорила меня заманить сюда мамашу Матье с брильянтами. Один мне даже пришлось купить с большой переплатой. Потом я втянул в дело Крючка и семью Марсиалей, чтобы вы могли сцапать их разом. Я здорово потратился, да и рискую сильнее всех. Сами знаете. Чует мое сердце: вдова Марсиаль стала меня подозревать после ареста Амбруаза.

— А что случилось с Грамотеем? Мы установили, что его настоящее имя — Ансельм Дюренель, беглый каторжник. Кажется, он умылся серной кислотой, чтобы его не опознали. На его счету новое убийство. Но недавно он куда-то исчез. Мне хотелось бы его отыскать...

— Никто не знает, куда девался Грамотей.

— Возможно, вы просто не желаете, чтобы я его нашел. Он мог бы немало о вас порассказать, не правда ли? Я вижу вас насквозь, Краснорукий: одного бандита вы нам выдаете, а десяти помогаете скрыться. Кстати, о мамаше Бюрет с улицы Тампль, номер 17. Вчера вы опять были у нее и вышли с огромным свертком.

— Ах, господин Нарсис, если бы вы знали, как тягостно мне якшаться с этими негодьями!

— Бедный малый!

— Поверьте, господин Борель, к вам я со всею душой. Мне не хочется, чтобы вас опять ранили. Эти три бабы — сущие ведьмы, но все же они женщины. Остерегайтесь Крючка, а особенно — Николя Марсиаля. Это просто зверь.

Борель слегка приподнял куртку. За поясом у него торчало два пистолета.

— Вот и чудно, — ухмыльнулся Краснорукий. — Вы сумеете за себя постоять. Однако, полагаю, с вами будет парочка надежных ребят?

— Вы хотите выведать, сколько у меня людей? Ладно. Двоих вы уже видели, а в случае надобности увидите еще четверых.

В этот миг послышался условный сигнал — кто-то свистнул по-птичьи. Краснорукий бросился к окну.

— Это Сова! — воскликнул он. — Она спускается в подвал. Теперь вы мне верите, господин инспектор?

...Единственный глаз Совы горел диким зеленым огнем. Она была вне себя от злобной радости после удачного грабежа и убийства. Сын Краснорукого, Хромуша, крался за Одноглазой по пятам. Он подметил возбуждение старухи и, улучив момент, наступил на подол ее платья.

Сова была захвачена врасплох, не удержалась на ногах и грохнулась на ступеньки лестницы, выронив свою корзинку. Оттуда выкатился тяжелый золотой браслет с изумрудами.

Старуха проворно вскочила и, прежде чем Хромуша успел увернуться, схватила его за шиворот. Оттаскав мальчишку за волосы, Сова наклонилась и впиалась зубами ему в щеку.

Хромуша даже не пикнул. Он вытер кровь с лица и спокойно сказал:

— В другой раз не целуй меня так крепко, милая тетушка!

— Ну и шуточки же у тебя, обезьяна ты этакая! Ладно, помиримся. Я согласна быть твоей милой тетушкой... Скажи, Марсиали уже здесь?

— Нет еще, моя добрая Совушка, — сладко пропел Хромуша.

— Тогда я успею навестить дорогого муженька. Меня забавляет это безглазое чучело...

На губах Хромуши мелькнула злобная усмешка. Однако он произнес веселым и игривым тоном:

— Прихвати-ка колоду карт, чтобы развлечь его. У Грамотея ведь нет иной забавы, кроме как считать крысиные укусы. Пожалуй, это ему изрядно наскучило.

Сова расхохоталась:

— Ну как тебя не любить, постреленок? Такого скверного мальчишки нигде не сыщешь... Ступай,

тащи свечу. Ты pomoжешь мне спуститься в погреб и открыть дверь. Сама я с ней не справлюсь. Живо, пошевеливайся. Отцу скажи, что я на минутку зашла к своему дружку... потолковать о свадебных приготовлениях. Ты знаешь, что у нас с ним скоро свадьба?

— Надеюсь, меня пригласишь?

— Не сомневайся. Ну, живо, ступай.

Хромуша поднялся наверх. Сова с довольной улыбкой принялась перебирать драгоценности графини Мак-Грегор.

Вернулся Хромуша со свечой в руке.

— Так я буду у вас на свадьбе? Честное слово? — и не дожидаясь ответа, он помог Сове отворить дверь второго подвала. Оттуда донесся жуткий звериный вой. Грамотей, обнаженный по пояс, был прикован за ногу к стене толстой железной цепью. Его лицо, плечи, руки распухли от крысиных укусов.

— А! — вскричала Сова, — Грамотейчик приветствует свою мамочку!

— Я хочу есть! — вопил Грамотей. — Ты решила уморить меня голодом, как собаку?

— Проголодался, котеночек? Могу тебя угостить дыркой от бублика. Вкусная штука! — Сова со смехом принялась спускаться вниз. Из подвала доносилось яростное звяканье цепи.

— Осторожно, дядюшка, — крикнул мальчишка, — не повреди себе лапу!

— И в самом деле, дружок, сиди спокойно, не рыпайся, — подхватила Сова. — Эх ты, безглазое чучело! Сам виноват: не спи так крепко! Мы связали тебя и спустили в погреб, а ты и ухом не повел. Впредь будешь умнее... Да только не будет никакого «впредь»!.. Чем ты, собственно, недоволен? Тут ведь свежесть, прохлада, крысы резвятся... Благодать!

Грамотей отчаянно рванулся. Цепь снова зазвенела.

— Грамотейчик скачет, как козочка, привязанная за ножку... Зря ты мне не позволил умыться Воровку серной кислотой. Тут-то я и смекнула, что толку от тебя больше не будет, одни хлопоты...

Продолжая бормотать, Сова спустилась еще на несколько ступенек. Внезапно Хромуша изо всех сил толкнул ее в спину.

— Ну, держись, Сова! — крикнул он. — Сейчас безглазое чучело тебе покажет!

Старуха покатила вниз, прямо в подвал.

— Ату, ату! Хватай ее, безглазый! — орал мальчишка. — Что, Сова? Попробуй-ка еще разок укусить меня! — злорадно добавил он.

— Попалась! — зарычал Грамотей. — Я держу ее!

— Ко мне! Спасите! На помощь! — отчаянно взывала Сова.

— Спасибо тебе, Хромуша, — раздался свирепый голос Грамотея. — Спасибо тебе!

Жутко было слушать его хриплые стоны, выражавшие чудовищную радость.

Хромуша поднял свечу, схватил корзинку с драгоценностями и спокойно уселся на ступеньку.

— Вот я и на свадьбе, — заметил он. — Отсюда мне будет прекрасно видно и слышно.

Глава двадцать третья
ГОСПОДИНА ПИПЛЕ ПОДВЕРГАЮТ
НОВЫМ ПЫТКАМ

Родольф отправился на улицу Тампль, чтобы потолковать с госпожой Пипле и узнать, нет ли чего новенького. Войдя в швейцарскую, Родольф, к своему изумлению, застал господина Пипле лежащим в постели. Голову почтенного привратника венчал огромный ночной колпак, из-под которого едва виднелись рот и подбородок. Анастаси поила супруга с ложечки каким-то отваром.

— Ах, король моих жильцов! — вскричала она. — Я совсем выбилась из сил. У нас творятся страшные вещи. Альфреда пришлось уложить в кровать.

— Что случилось?

— Вы еще спрашиваете! Конечно, опять Кабрион. Это сущий дьявол! Как, скажите на милость, он угадывает, что меня нету дома? Только я за дверь — он уже тут как тут. А мой старик беспомощен, словно новорожденное дитя... Пошла я сегодня к нотариусу Феррану...

— Вы виделись с ним?

— Сперва он не хотел меня принять и даже сказался больным... Однако погодите, я не знаю, с чего начать. Мне столько нужно рассказать вам! Сначала про мамашу Бюрет.

— О!

— Вы что-то сказали?... Итак, я продолжаю. Она мне говорит: «Пусть Альфред сходит к Краснорукому и передаст, что нотариус хочет его видеть». Альфред и пошел. А возвращается белый, как полотно, и хрипит, точно загнанная лошадь.

— Что же с ним стряслось?

— Сейчас узнаете. Так вот, на нашей улице, если повернуть направо, тянется длинная белая стена. Мой старик идет мимо и видит: на стене написано углем «ПИПЛЕ — КАБРИОН»!.. Он порядком ошалел, однако идет дальше. Шагов через двадцать, на церковных дверях — опять «ПИПЛЕ — КАБРИОН»! И так на каждой стене, на каждой двери. Всюду красуется надпись «ПИПЛЕ — КАБРИОН».

Старичок совсем растерялся. Надвинул пониже шляпу — ему было стыдно людям в глаза смотреть... Свернул на бульвар — та же картина: везде понаписано «ПИПЛЕ — КАБРИОН».

Это Альфреда доконало. С горя он все перепутал и вместо Краснорукого пошел к нотариусу Феррану. Там он нес такую чепуху, что нотариус выставил его за дверь, да еще обозвал старым ослом.

Домой он шел другой дорогой и старался смотреть только под ноги. Но даже на тротуаре, на мостовой, на земле — всюду было написано: «ПИПЛЕ — КАБРИОН». Мой бедный муж припелся ко мне, как побитая собака. «Прочь из Франции, — говорит, — проследуем в изгнание! Я опозорен навеки!»

Успокоила я его, как могла, и побежала к нотариусу по вашему дельцу. И только я ушла, являются две мерзавки — приятельницы Кабриона. У меня волосы встают дыбом, когда я об этом вспоминаю... Однако сперва покончим с нотариу-

сом. Он не хотел меня принять. Видно, Альфред здорово его напугал. Любопытно, что он ему нагородил? Но вы не беспокойтесь: я свое дело сделала. Ваша молодая подопечная может завтра утром приступить к работе!

Тут рассказ госпожи Пипле был прерван жалобным стоном, доносившимся с постели.

— Бедный мой старичок! Кажись, очнулся. С вашего разрешения, король жильцов... Альфред, душка, как ты себя чувствуешь? У нас господин Родольф. Он уже знает о новых пакостях Кабриона и выражает тебе соболезнования.

— Дорогой господин Пипле, — серьезно сказал Родольф, — поведайте мне конец этой кошмарной истории.

— Ах, сударь, в конце-то и случилось самое страшное. Даже боюсь рассказывать. Все прошлые ужасы бледнеют в сравнении с новыми истязаниями, которым подверг меня безжалостный Кабрион.

Привратник с трудом приподнялся в постели, натянул одеяло до самого подбородка и начал:

— Моя супруга куда-то удалилась. Я еще не успел прийти в себя от горестного возмущения. Ведь теперь мое имя смешано с грязью, соединено с бесславным именем негодяя Кабриона! Каждый дом в нашей столице, каждая стена, каждая дверь вопиют о моем позоре!.. Итак, я старался заставить себя думать о чем-либо другом, как вдруг дверь распахнулась и вошла незнакомая женщина! За ней — другая. На обеих длинные плащи. Я вежливо привстал и поднес руку к шляпе... И тогда... Нет, сударь, нет!.. У меня язык не поворачивается...

— Ну-ну, старичок, полно тебе. Здесь все свои.

Альфред продолжал, мало-помалу заливаясь краской до самых бровей:

— Вдруг незнакомки сбрасывают плащи, и что я вижу? Силы небесные! На них нет никакой одежды!.. Да-да! Гирлянды из виноградных листьев не в счет. Я просто окаменел. А они стали приближаться... Простирать ко мне руки... Искушать меня!..

— Ах, негодницы! — плюнула Анастаси.

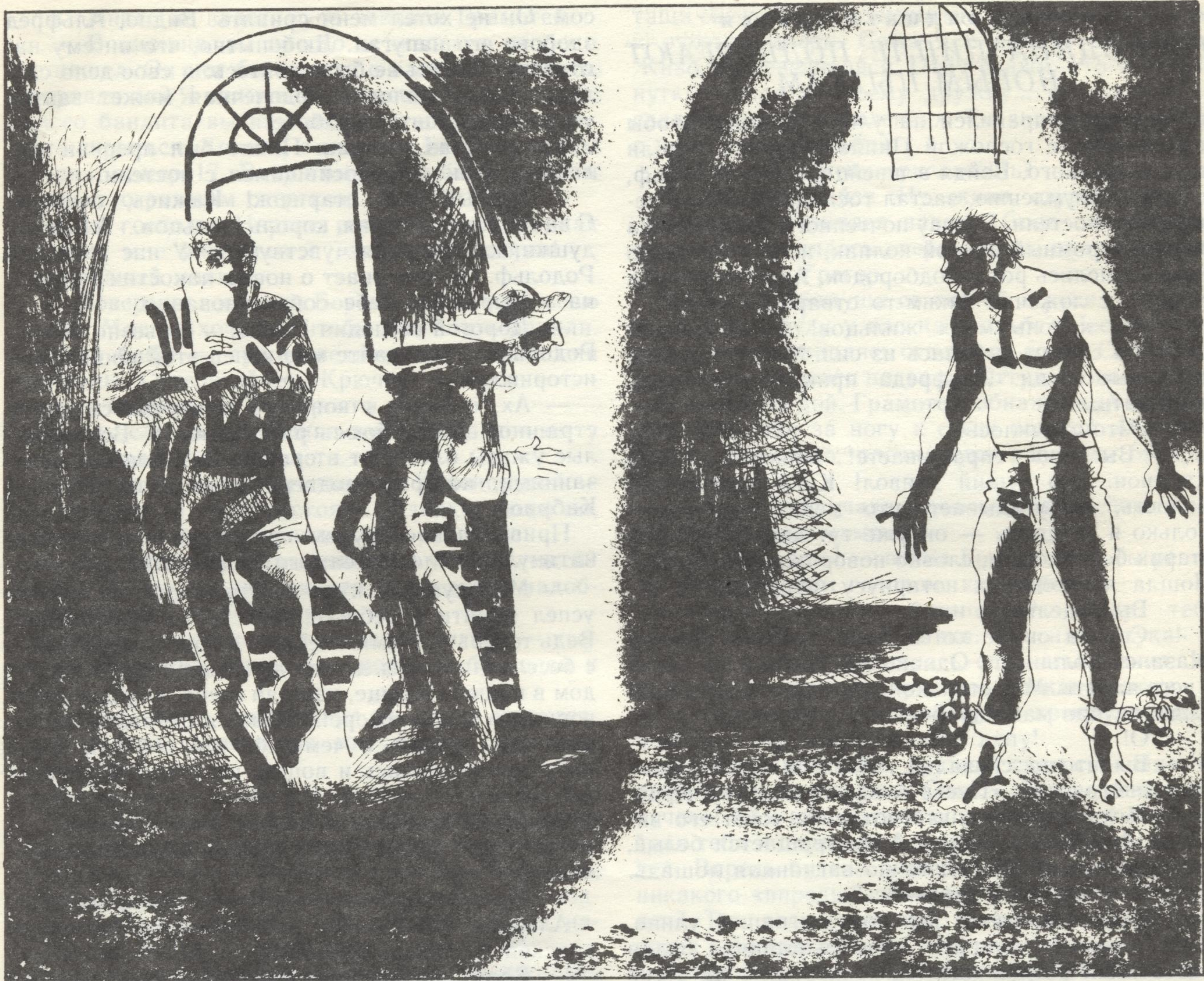
— Я, как обычно, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Падаю в кресло, пытаюсь зажмуриться. Тщетно! Уж слишком я взволнован. А они все ближе и ближе... Машут руками и приплясывают. Наконец, подошли вплотную и... стали меня обнимать!

— Бесстыдницы! Обнимать женатого человека! Ах, будь я при этом! Я бы их попотчевала метлой!

— У меня кровь застыла в жилах. Тогда первая склонилась ко мне на плечо и сняла с меня шляпу. Другая вытащила из-под своей гирлянды ножницы. Потом собрала все мои волосы в одну прядь... По правде сказать, волос-то у меня оставалось совсем немного... Так она начисто мне их срезала, да-да, господин Родольф! И они все время приплясывали, размахивали руками, а потом затаили: «Это для Кабриона! Это для Кабриона!» Наконец, направились к выходу, не переставая петь: «Это для Кабриона! Это для Кабриона!»

Тогда я поднял глаза, и что же я вижу?! Кабрион, собственной персоной, стоит за дверью! Я

узнаю этот мерзкий лик, эту козлиную бородку... Собираюсь с силами — и закрываю глаза! Снова открываю — ни души... Я сижу в кресле, а на голове у меня — ни единого волоса!

Господин Пипле в отчаянии стиснул руки:

— Ах, вы видите, сударь, наконец ему удалось! Адский замысел увенчался успехом. Кабрион получил мои волосы! Пожелал — и добился! Теперь мне остается одно из двух — смерть либо изгнание!

Альфред без сил опустился на кровать.

— Ну полно, старичок, — госпожа Пипле пыталась утешить своего супруга, — полно. Теперь у него есть прядь твоих волос, и он оставит тебя в покое...

— Ты плохо знаешь Кабриона, Анастаси. Нет пределов его алчности. Теперь он потребует чего-нибудь еще... Мало ли что ему может понадобиться?!

Но тут в швейцарскую вбежала мадемуазель Хохотушка.

— Ах, господин Родольф! — вскричала она. — Помогите мне, умоляю! У нотариуса Жака Феррана украли две тысячи франков. Нотариус утверждает, что деньги взял Франсуа Жермен! Его уже отправили в тюрьму.

Глава двадцать четвертая СВАДЬБА ГРАМОТЕЯ И СОВЫ

В глубине погреба творилось нечто ужасное... Мелькали руки, ноги, слышался хруст костей, жалобные стоны и безумный смех.

Хромуша сидел на ступеньке лестницы и с полным хладнокровием любовался чудовищной сценой.

Внезапно Грамотей издал дикий торжествующий вопль. На этот раз он был услышан...

Распахнулась дверь, и в подвал ворвался инспектор Борель в сопровождении четырех полицейских с фонарями.

Хромушу мгновенно схватили, он даже не успел выбросить корзинку Совы.

Грамотей метался в своей темнице, как тигр в клетке, волоча по полу то, что осталось от Совы. Волосы и борода озверевшего безумца намокли от крови. Полицейские навалились на Грамотея, с трудом вырвали из его рук искалеченный труп, крепко связали гиганта и вытащили наверх.

Николя, вдова Марсиаль, Тыква и Крючок уже были арестованы. Вместе с ними схватили и Краснорукого. Вдова плюнула ему прямо в лицо:

— Ты предал моего старшего сына! — крикну-

ла она.— А сегодня загубил нас всех! Но скоро наступит твой черед. Ты и в свой последний час останешься подлым трусом. А мы сумеем умереть, как настоящие Марсиали — без дрожи, с открытыми глазами и презрением в душе!

Женщин отправили в тюрьму Сен-Лазар, а мужчин — в тюрьму Форс. Грамотея отвезли в Шарантон, где находилась лечебница для умалишенных.

Инспектор Борель обнаружил в корзинке Совы письмо, где перечислялись преступления Жака Феррана.

Нарсис Борель посулил Краснорукому отпустить его на свободу, если тот расскажет все, что ему известно о темных делишках нотариуса. Однако инспектор не решался немедленно арестовать Жака Феррана; ведь у него было столько влиятельных покровителей!

Когда две недели спустя полиция все-таки нагрянула к нотариусу, стало ясно, что его тоже придется отправить в Шарантонскую лечебницу. Жак Ферран ослеп и потерял рассудок. Это было делом рук Родольфа и его помощницы — новой экономки нотариуса. Полиция прибыла чересчур поздно: правосудие уже свершилось...

* * *

Родольф наконец узнал, что Лилия-Мария — его дочь. Он заставил Жака Феррана сознаться во всем. Тот рассказал, как он решил избавиться от Певуньи и госпожи Серафен. Нотариусу было невдомек, что девушке удалось спастись.

Родольф пришел в отчаяние.

— Дитя мое! Мое бедное дитя! — горестно восклицал герцог.

— Плачьте, ваше высочество, — вздохнул преданный Мэрф. — Вам станет легче.

Но Родольф был безутешен:

— Она перенесла столько несчастий! И в довершение всего — такая ужасная гибель! Я для нее ничего бы не пожалел. Ее ждали богатство и счастье! Боже, Боже, а ведь я провел целый день подле моей дочери, когда отвозил ее в Букеваль! И сердце ничего мне не подсказало!.. Ничего!.. Как я был слеп! Я недостойн называться отцом.

— Однако, монсеньор...

— Я не должен был с ней разлучаться! Зачем я оставил ее? Ах, я всегда творил добро только наполовину! Я понял это, но увы, слишком поздно. Я думал, что, поселив девушку на ферме, сделал для нее все возможное! Я поступил с ней, как с первой встречной, и жестоко за это наказан. Ее не уберегли. Если бы я действительно сделал все, что мог, она сейчас была бы жива... Когда-то я был плохим сыном (один ты это знаешь, Мэрф), и вот пришла расплата... Поделом мне! Довольно, довольно, Мэрф. Вернемся в Герольштейн. Во Франции у меня не осталось ничего, кроме горьких воспоминаний!

— Монсеньор, прошу прощения, но вы забыли об этом юноше, Франсуа Жермене, которого вызволили из тюрьмы...

— Жермен? Франсуа Жермен?

— Да, ваше величество. Сын госпожи Жорж и Грамотея.

— Я и впрямь становлюсь забывчив... Ведь я

обещал прийти к нему на свадьбу. Он женится на мадемуазель Хохотушке. Нет, Мэрф, не могу... У меня не хватит духу глядеть на их радостные лица... Ты пойдешь один и передашь им мои извинения, а заодно — вот этот мешок с золотыми монетами. Займись также супругами Пипле и художником Кабрионом. Я хочу оставить здесь как можно больше счастливых людей.

Глава двадцать пятая КАБРИОН ОТПЛЫВАЕТ В ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Мадемуазель Хохотушка пригласила достойную чету привратников к себе на свадьбу. Но, к ее удивлению, супруги Пипле явились с большим опозданием, когда новобрачные уже выходили из церкви.

Анастази нарядилась в яркое зеленое платье, а на плечи накинула красную шаль. Она чувствовала себя совершенно неотразимой.

На голове у Альфреда красовалась его неизменная шляпа, а накрахмаленный воротничок упирался в подбородок.

— Бог ты мой, — воскликнула Хохотушка, — какой у него довольный вид! А ведь проделки Кабриона совсем было его доконали!

Господин Пипле устремился навстречу новобрачным и торжественно провозгласил:

— Я спасен!

— Да вы прямо сияете от счастья, господин Пипле! В чем тут секрет?

— Он уехал, мадемуазель!.. То бишь, мадам. Теперь я могу... теперь я обязан называть вас именно так. Отныне, ответив в церкви «да», вы во всем уподобились моей Анастази...

— Спасибо, господин Пипле. Вы очень любезны. Но кто же все-таки уехал?

— Кабрион! Он покинул Францию навсегда, навеки, до скончания времен!

— Вы уверены?

— Еще бы! Я своими глазами видел, как он сел в страсбургский дилижанс со своими холстами и чемоданами!

Анастази еле поспежала за Альфредом:

— О чем вы толкуете, позвольте спросить? Держу пари, опять об отъезде Кабриона! Альфред с самого утра только про это и твердит!

— Мне так легко, Анастази! Я прямо парю в воздухе! Раньше мне казалось, что моя шляпа тяжелее каменной глыбы. А сейчас я даже забыл о земном притяжении! Он уехал! Кабрион уехал и больше не вернется!

— Вот вам и весь сказ! — ликующе крикнула госпожа Пипле. — Представьте себе: приходит к нам вчера высокий, полный господин и спрашивает, не проживал ли здесь прежде художник по фамилии Кабрион. Услышав это имя, мой старик хотел было запустить в посетителя сапогом... Но тот, к счастью, быстро произнес: «Этот художник уезжает в Германию. Его нанял на службу один богач». Мы, конечно, узнали, когда он едет. Оказалось, сегодня утром. Пошли мы к Восточным воротам и видели, как этот шалопай сел в карету. Когда дилижанс тронулся, Кабрион

заметил моего старика, да как заорет: «Дружище, прощай навсегда! Твой до гроба!»

— Он посмел обратиться ко мне на «ты»! Слава Богу, было шумно, и вряд ли кто-нибудь еще мог это слышать. Все же есть в мире справедливость!

— Поздравляю вас, господин Пипле,— сказала Хохотушка, с трудом сдерживая смех.— Но вы, наверное, еще не знаете, что господин Родольф оказался герцогом...

— Что я слышу! Вот так чудеса! — вскричала Анастаси.— Король моих жильцов — герцог?! А я просила его покараулить швейцарскую! Ну и ну! Кто бы мог подумать?

— Герцог у нас в швейцарской! — застонал Альфред.— И он видел меня в одной сорочке! Да еще лежащим в постели!

Достойный привратник был страшно взволнован. В приливе благоговения он торжественно приподнял шляпу, обнажив свою многострадальную лысину, и отвесил почтительный поклон в пустоту.

Глава двадцать шестая ПРИНЦЕССА ГЕРОЛЬШТЕЙНСКАЯ

А в этот самый час Волчица и Лилия-Мария прогуливались по берегу Сены.

Освободив Марсиаля, Волчица снова занялась своей подружкой. Певунью отвели к доктору Гриффону, который жил неподалеку от хижины Феро.

У девушки открылась сильная горячка, и долгое время врач опасался за ее жизнь. Он запретил чем-либо волновать пациентку, и даже не позволил ей написать письмо друзьям... Гриффон был человеком добрым, но чересчур деспотичным.

Наконец, Певунья стала вставать с постели, а сегодня Волчица повела ее на прогулку.

Но Лилия-Мария была все еще очень слаба.

— Я больше не могу идти,— пожаловалась она.

— Что ж ты раньше молчала? Не надо было нам уходить так далеко,— встревожилась Волчица.

— Ах, я слишком долго провалялась в постели!

Я ужасно соскучилась по солнышку, деревьям, облакам... Я уж думала, что больше никогда их не увижу.

— Могло и так случиться. Пожалуй, теперь можно сказать: доктор почти не надеялся, что ты поправишься. Он говорил, что любой пустяк способен сильно повредить тебе... Вот почему до сих пор мы не послали весточки твоим друзьям.

— Мне бы очень хотелось повидать госпожу Жорж! И Родольфа... Знаешь, Волчица... Когда я думала, что умираю, моя последняя мысль была о нем. Это он вырвал меня из лап Совы и Мамаши Наседки... А когда я уже поправлялась, то стала думать о нем, как... как о самом Спасителе.

— Видно, этот человек творит добро при каждом удобном случае. А помогать тебе, Певунья — одно удовольствие. Ты не забываешь тех, кто был к тебе добр...

Внезапно их беседу прервал отчаянный крик:

— Господи помилуй! Певунья!! Это ты!!!

Навстречу девушкам сломя голову мчался наш старый знакомец — Живорез.

Он продолжал преданно служить Родольфу: помог ему разделаться с нотариусом, а теперь всецело посвятил себя поискам Лилии-Марии. Живорез не желал верить, что Певунья нет в живых.

— Ого-го! — восклицал Живорез, хлопая в ладоши. Он просто сиял от восторга.— То-то обрадуется господин Родольф! Он тебя повсюду искал. Ему сказали, что ты утонула, и он чуть не умер от горя. Скорей, скорей к нему!

— Разве вы не видите, что она еле стоит на ногах? — сурово вмешалась Волчица.— Подождите хотя бы до завтра!

— Вздор! Чепуха! Взгляните-ка на ее счастливое личико! Как приятно, когда тебя любят! Вперед! Нельзя терять ни минуты — Родольф может уехать без нас!

* * *

Через два дня юная принцесса Мария покинула Париж и отправилась на родину вместе со своим отцом — великим герцогом Герольштейнским.

Французский писатель Эжен (Мари-Жозеф) Сю (1804—1857) родился в семье преуспевающего ученого-врача, получил медицинское образование и сделался морским хирургом. В молодости много путешествовал, принимал участие в военных экспедициях. После смерти отца стал обладателем миллионного состояния и всецело посвятил себя литературе. Сначала он пишет морские повести и романы («Алтар-

Гулл», «Саламандра»), затем переключается на исторические («Лотреомон»), и психологические («Матильда»).

Но прославили Эжена Сю «Парижские тайны» (1842—43). Дело не только в мастерски разработанной интриге и обилии приключений, Эжен Сю одним из первых ввел читателя в мир так называемых «низов общества», изобразив, наряду с бедными, но чест-

ными тружениками, воров и убийц. Однако в их пороках и преступлениях автор винит общество в целом. Трагические людские судьбы, происки сил зла составили сюжет столь же популярного романа «Агасфер» (1844—45). Эти произведения снискали Эжену Сю репутацию защитника угнетенных и страдающих, а благодаря увлекательности повествования по сей день читаются с неизменным интересом.

Редакция благодарит за содействие в публикации романа редакционно-издательский центр «Черная курица».

Снова «пляшущие человечки», или Новое приключение Шерлока Холмса

Дорогой Ватсон!

Работа над восстановлением испорченной карты продвинулась, и я могу послать Вам еще фрагмент. В сумме с ранее посланными, они уже начинают кое-что прояснять. Вы упомянули в предыдущем письме о легенде? Так вот, ни одна легенда, ни один миф, ни одно сказание не рождались из пустой выдумки, из прихоти и амбиций рассказчика. В них мы всегда находим отголоски дней минувших, событий, которые так поразили воображение современников, что те стали передавать рассказы о них из поколения в поколение.

Итак, жду от вас записи легенды, связанной с кладом Гринвуд.

Искренне Ваш Холмс.

Дорогой Шерлок Холмс!

Воодушевленный Вашей поддержкой, удвоил усилия по приведению к окончательному виду легенды о Гринвудском кладе. Ваша интуиция и на этот раз Вас не подвела, дело действительно идет о событиях, имевших место во время войны с Испанией, а точнее — о трагической истории плавания Непобедимой Армады, когда осень 1588 года стала свидетелем гибели около скал Шотландии и Ирландии десятков испанских кораблей.

Что же — продолжим работу.

Ваш Ватсон.

Дорогие ребята!

Мы получили от вас уже несколько писем и теперь печатаем одно, на наш взгляд самое интересное. Вот отрывок:

«...но потом я понял, что искать какой значок на какую букву похож — ерунда, ничего это не даст! Тогда я начал искать, а с какого слова может это все начинаться? Тайна ведь чего? Клада. А клад где? В замке. А потом я еще помнил, что Шерлок Холмс советовал искать короткие слова-предлоги. Так вот, по-моему, первое слово «ЗАМОК». Букв как раз сколько надо».

Кирилл Муратов, г. Гатчина

Итак, у Шерлока Холмса уже есть один помощник.

Внимание! Продолжить участие в поиске сможет тот, кто сделает переподписку на второе полугодие: в каждом очередном номере будет отрезной купон участника конкурса. До встречи в № 7!

ПРИКАЗ ШАХМАТ-АДМИРАЛА

§1. Четвертый тур Чемпионата АРЧЕБЕКА поместить в «Костре» № 7. Там же опубликовать итоги Чемпионата—91, конкурса «Новогодний приз» и решения заданий 2 и 3 туров.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Ответы на задания в № 2

I. 1. Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание». 2. Л. Н. Толстой. «Анна Каренина». 3. А. С. Пушкин. «Анчар». 4. А. П. Чехов. «Вишневый сад». 5. Н. В. Гоголь. «Тарас Бульба». 6. И. А. Гончаров. «Обломов». 7. В. А. Жуковский. «Лесной царь». «ПОЛТАВА».

II. ХОД — хор — бор — бар — шар — ШАХ — шаг — маг — МАТ.

III. Туча; сосулька; снежинка.

ТОРТ «ЧЕРЕПАХА»

Я его не случайно предлагаю — рецепт торта «Черепаша». Дело в том, что Лена Шарубина получила за «Черепашу» первый приз на городском конкурсе с очень солидным названием «Господин торт» (живет Лена в Бийске). Она пишет, что ее «рецепт» очень простой, готовится торт быстро, а уж вкусный! Давай-ка поверим Лене и попробуем, чем он так очаровал жюри конкурса? Смешаем 6 яиц, 2 стакана муки и столько же сахара, добавим чайную ложку соды. Очень простое тесто, правда? Выпечем из него небольшие лепешечки (Лена утверждает, что на каждую понадобится всего 2—3 минуты). Остывшие коржики обмакнем в подслащенную по вкусу сметану и выложим стопкой на блюдо. Сверху польем торт кремом из полутора стаканов сметаны, стакана сахара и столовой ложки какао. На конкурсе Лена посыпала свою «Черепашу» еще и тертым шоколадом. Но этого можно и не делать. Все равно вкусно! Спасибо, Лена.

Я прекрасно понимаю, что эти продукты теперь дорогие и достать их не просто, но торт, сделанный в домашних условиях, все равно окажется дешевле, чем в магазине.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. ВЕРХОВСКИЙ, О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ (зам. главного редактора), А. Я. ШКОЛЬНИК

Художник-редактор Л. М. МОСКОВСКИЙ.

Технический редактор П. В. ШИКАНОВА.

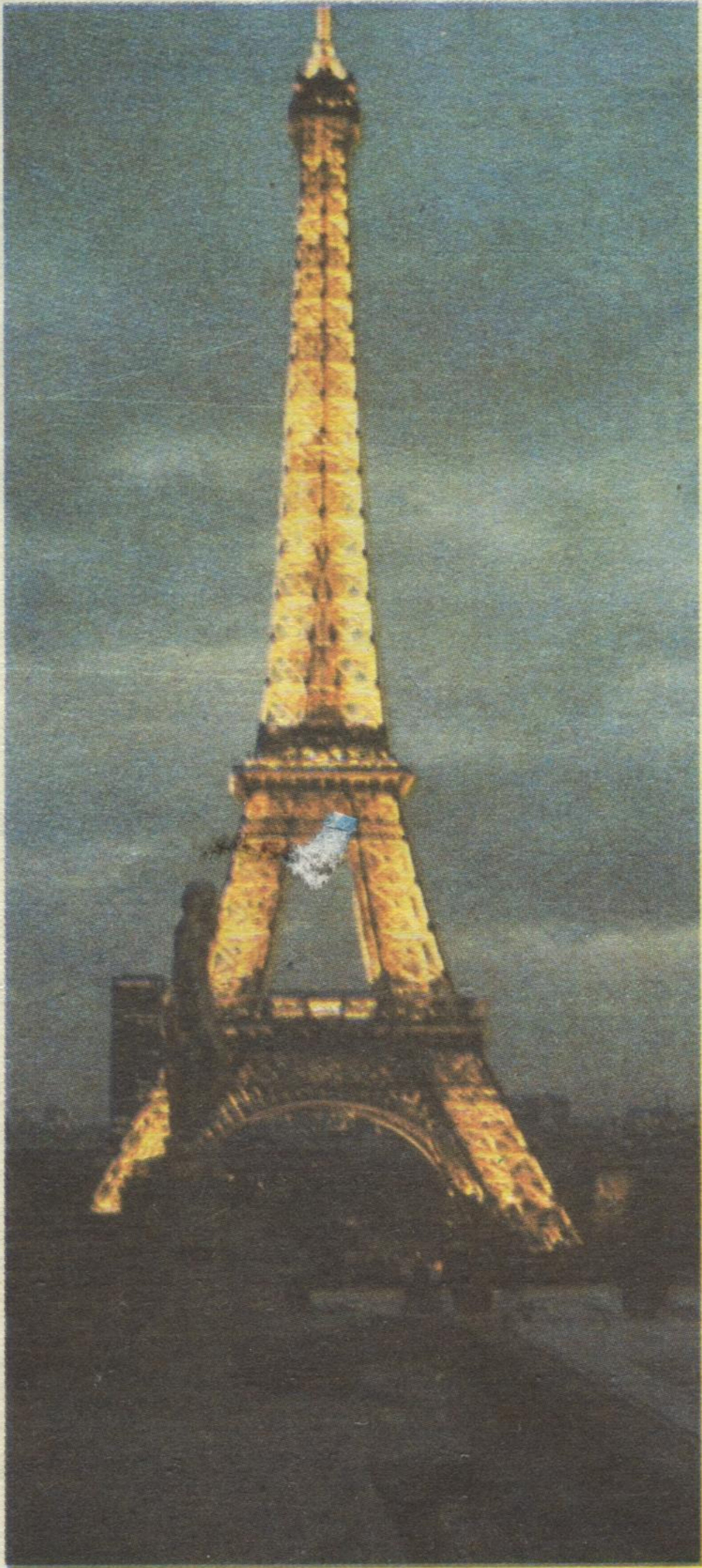
Корректор Н. Ю. ЖУЛАНОВА

Адрес редакции: 193024, Санкт-Петербург, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

Сдано в набор 06.12.91. Подписано в печать 03.04.92. Формат 60×90 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 600 000 экз. Заказ № 7172

Фабрика офсетной печати № 1 ПО «Типография им. Ивана Федорова». 197101, Санкт-Петербург, ул. Мира, 3

Эйфелева башня

PARIS

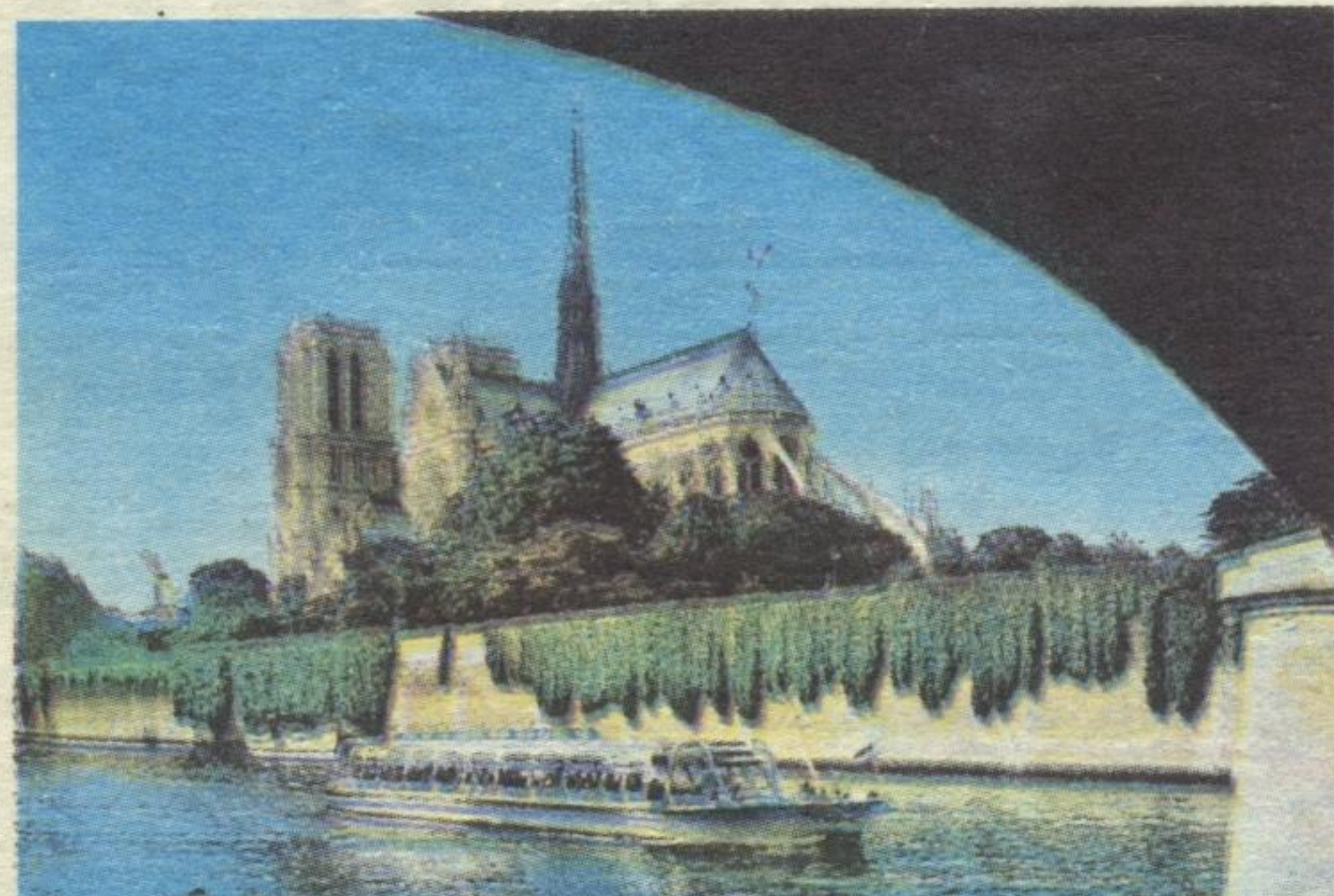
Рассказывают, что один турист, посетив Париж, решил отвести на осмотр памятников города целый... день. Наивный человек! Ему не хватило и трех недель, чтобы осмотреть все достопримечательности прекрасного Парижа. Ведь столице Франции — много сотен лет, так что и памятников в ней немало. Каждая эпоха оставляет свои памятники: архитектурные, военные, исторические, инженерные.

Вот один из памятников, связанных с литературой, вернее — фрагмент, часть этого памятника. Попробуй догадаться, герой какого романа на фотографии? И кто роман написал?

Фото Б. Гесселя

Монмартр Мулен-Руж

Собор Парижской - Богоматери

Собор Сакре-Кёр